

Мария Геррер

Сердце
для любимой

Мария Геррер

Сердце для любимой

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63683952
Сердце для любимой:

Аннотация

Аня – юная художница, волею случая попавшая в северную столицу. Макс – владелец спортивных клубов и представитель золотой молодежи. Они живут в разных мирах и их пути не могут пересечься. Но проказница-судьба столкнула наивную девушку и законченного эгоиста.

Макс легкомысленно заключает с другом пари на любовь провинциалки Ани. Кто победит в борьбе за сердце девушки – состоятельный бизнесмен, или простой, но очаровательный разнорабочий, которым прикидывается Макс? Сможет ли он прожить без денег и связей в питерской коммуналке, да еще и завоевать независимую Аню?

Казалось бы, итог ясен, но кто мог предположить, что в дело вмещается настоящая любовь?

Содержание

Глава 1. Анна	4
Глава 2. Макс	15
Глава 3. Анна	26
Глава 4. Макс	38
Глава 5. Аня	51
Глава 6. Макс	62
Глава 7. Аня	76
Глава 8. Макс	88
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Мария Геррер

Сердце для любимой

Глава 1. Анна

Он оглянулся через плечо и посмотрел на меня глазами изголодавшегося по женщине самца. Молодой brutальный красавец, с идеальной фигурой. Лет тридцати, темноволосый, мускулистый, высокий. И совершенно голый.

На кухне в коммунальной квартире мы были одни – я, на-смерть перепуганная и растерянная, и он – уверенный в себе сексуальный маньяк. Он небрежно набросил на стройные бедра мое любимое махровое полотенце с белочками и двинулся на меня пружинистой походкой хищника, увидевшего добычу. Никто и ничто не могло его остановить. Я сжимала в руке скалку – орудие независимой женщины, он прикрывался полотенцем. Нас разделяло всего несколько шагов...

Могла ли я думать, отправляясь в культурную столицу, что паду жертвой очень сексуального маньяка? И не где-нибудь, а прямо на кафельном полу общей кухни старой коммунальной квартиры. А ведь как удачно все для меня началось...

Мне исполнился двадцать один год, и судьба впервые улыбнулась мне. Правда довольно саркастически и ехидно. И поставила перед сложным жизненным выбором.

Я неожиданно получила наследство от маминой тети. Недвижимость в центре Питера. Звучит громко! Правда, наследство – всего лишь комната в коммуналке с кучей соседей, однако это уже мелочи. Я была бесконечно рада – наконец-то смогу жить самостоятельно, да еще и в Санкт-Петербурге. Ведь я планировала летом поступать в Академию художеств или в Питере, или в Москве. Теперь выбор очевиден. Как же все отлично складывается!

Наследство досталось мне, потому что баба Надя очень любила меня и никогда не понимала мою маму, свою племянницу.

Надо признаться, семейка у меня веселая. В кавычках, разумеется. Мама работает главбухом в крупной частной фирме. Неплохо зарабатывает. Она смогла построить отличную карьеру и добилась многого.

Моя мама вечно в заботах о том, чтобы все видели, как у нее все круто. Поэтому берет кредиты. Большая квартира в ипотеке. Ее норковая шуба в рассрочке. В кредиты взяты огромный плоский телевизор, холодильник, выдающий лед в специальный стакан (Убей, не знаю, для чего это надо?),

кухня из массива дуба с мраморной столешницей. Еще, естественно, внедорожник (А как же без него?) и все остальное. Соответственно, приходится экономить на еде и некоторых мелочах.

Пока я училась в Художественном училище, я еще и работала в местном театре декоратором. Почти все заработанные деньги отдавала в семью. Но, в понимании моей мамы это были жалкие копейки, над которыми она откровенно смеялась. И каждый раз укоряла, что я бесполезное создание, неспособное приносить пользу. Я к этому привыкла и не обращала внимания.

Ну не хочу я быть бухгалтером, как она. У меня свой путь в жизни. Я художник, и у меня это отлично получается. В прошлом году окончила Училище с красным дипломом, готовлюсь поступать в Академию художеств.

Мама мученически закатывала глаза и скорбно вздыхала от моего упрямства. Она не замечала, что я не беру у нее ни копейки на одежду, краски, кисти и холсты для подработки. Я всегда много рисовала. Ведь мастерство надо совершенствовать постоянно. Да и мечта поступить в Академию требует полной отдачи сил.

Отца не помню. Очевидно, он быстро понял, что ошибся в выборе жены и сбежал. Но щедрые алименты платил исправно. Они шли на нужды семьи и были неплохим подспорьем в погашении многочисленных кредитов. Кажется, отец давно уехал за границу. Так или иначе, но я его никогда не видела.

Да мне этого особо и не хотелось. Не нужна я ему, и не надо.

Мама постоянно пыталась удачно выйти замуж второй раз. Ведь рядом с состоявшейся деловой женщиной непременно должен быть состоятельный мужчина. По возможности еще и привлекательный – на зависть всем подругам.

Ее прекрасный принц явился к нам двенадцать лет назад на потрепанном мерседесе, с кучей амбиций и блестящих перспектив. Евгений на тот момент преподавал философию в Университете, был молод и безумно красив. Ему прочили блестящее будущее – зав кафедры, потом декан, и однозначно, в ближайшем времени ректор, не меньше. Связи есть, талант написан на лице, что еще надо для продвижения? Оказалось, еще надо мозги, желание работать и умение ладить с людьми. С этим возникли проблемы, и карьера Евгения очень некстати забуксовала.

Мой отчим намного младше мамы. Рядом с ним, по ее словам, она чувствует себя юной девушкой. Может, оно и так, ей виднее.

С деньгами принца получился полный облом. Они быстро закончились. Теперь отчим все свободное время лежит на диване, рассуждает о несправедливости жизни и ноет, что его никто не понимает. А времени у Евгения очень много, так как преподает он всего несколько часов в неделю. И уже не в Университете, а в Индустриальном колледже, и не философию, а обществознание.

У меня есть братик Платон. Он очень похож на своего па-

пу. В отличие от меня Платошу ждет блестящее будущее. Он талантлив. Правда, пока родители не поняли, в какой именно области – ребенку всего одиннадцать лет.

Для отчима я всегда была бельмом на глазу. Он этого никогда не скрывал. Евгению не нравилось, что я без его разрешения поступила в Художественное училище. Я обязана была стать бухгалтером, как мама, приносить деньги в дом, а не витать в облаках и страдать ерундой. И не важно, что все время, пока училась, я еще и работала. Получала-то гроши! А теперь, когда я окончила училище и начала готовиться к поступлению в Академию отчим просто места не находил от недовольства и раздражения.

Поэтому наследство для меня было очень и очень кстати. Но Евгений поставил ультиматум – или я продаю комнату в Питере и отдаю деньги на нужды семьи, или у меня больше этой семьи нет. Мама немного помялась, судя по всему для приличия, и приняла сторону мужа.

Так что для меня, как паршивой овцы, больше нет места в благородном семействе. Мне указали на дверь и посоветовали вернуться с деньгами от проданной комнаты. Или не возвращаться вообще.

Мне даже не было обидно. Выбор я сделала сразу. Собрала дорожную сумку, упаковала краски, холсты, подхватила мольберт и вышла в хмурое январское утро навстречу новой жизни.

Новая жизнь встретила меня пронизывающим ветром и

швырнула в лицо пригоршню острого снега. Я улыбнулась в ответ широкой улыбкой. На душе было легко, словно свалился тяжелый камень. Впереди неизвестность и свобода. А в кармане паспорт и немного денег, что удалось скопить. Ничего, не пропаду. Работать не боюсь, прорвемся, как говорится!

Скоро поезд мчал меня в любимый Питер, город моей мечты и радужных надежд. Полупустой и холодный вагон трясся и гремел, как железное ведро с гвоздями. Поезд чем-то громко лязгал и скрежетал на поворотах. И это было для меня лучшей музыкой. Я еду в Питер!

Всю дорогу счастливо проспала на верхней полке плацкартного вагона, завернувшись в колючее одеяло. Давно пора было уехать и начать самостоятельную жизнь. Пусть будет трудно, зато я больше не услышу нытья Евгения и недовольных замечаний мамы по поводу моей никчемности и глупости.

* * *

И вот, я уже две недели как в северной столице. С работой все оказалось намного сложнее, чем я думала. Для начала пришлось перебиваться частными заказами, которые находила в интернете. Портреты маслом по фотографиям меня всегда раздражали, но именно они теперь приносили реальный доход. Пришлось смириться и перешагнуть через себя,

ведь жить как-то надо.

Квартира, где я получила комнату, была огромна и занимала весь второй этаж. С высокими лепными потолками, большими окнами и скрипучими полами. Разномастных дверей в длинном коридоре было ровно десять штук.

Мне повезло – квартиру начал расселять хозяин антикварного салона, который располагался на первом этаже. У меня оказалось всего трое соседей – приятная женщина лет под сорок с девятилетним сыном, и одинокий отставной моряк пятидесяти лет. Им пока не подобрали подходящие варианты для обмена, они не спешили менять привычный уклад жизни.

Но у меня были все шансы в ближайшее время получить маленькую однушечку ближе к окраине, а я еще не успела привязаться к этому району. Осталось дожидаться визита антиквара и его щедрого предложения. Возможно, я даже немного поломаюсь для приличия. Вдруг удастся поднять цену? Хотя торгаш из меня никакой.

Коммуналку этажом выше антиквар уже расселил, и там полным ходом шел ремонт. Целый день что-то ломали, пилили и роняли. Звукоизоляция в нашем доме просто потрясающая – слышно, как ругаются строители наверху и о чем говорят соседи за стенкой. Так что спала я в берушах, а работала в наушниках, слушая мой любимый рок. Только он мог заглушить шум на третьем этаже.

Соседи появлялись ближе к вечеру, и кухня с ванной пол-

ностью принадлежали мне в течение дня.

Еще в квартире обитает полосатый, толстый и боевой кот Васька с порванным ухом. Самый обычный, гладкошерстный и беспородный. Гроза всех местных котов и всеобщий любимец. Именно он настоящий хозяин коммуналки, а мы просто находимся тут с его молчаливого согласия. Ну, и соответственно, в благодарность кормим вкусняшками и чешем за ушком эту полосатую бестию.

Комната, доставшаяся мне в наследство, оказалась достаточно большой, с крашеным паркетным полом и зеркальной стеной, наполовину замазанной масляной краской. Видимо, комната была когда-то частью гостиной. Роскошный лепной плафон на потолке тоже безжалостно пересекала перегородка.

Из двух больших окон открывался потрясающий вид на набережную реки Мойки. Так бы и любовалась целый день. Я даже успела написать несколько пейзажей.

В одно из окон игриво заглядывал с улицы лепной Амур. Сколько же всего в этой комнате перевидал маленький бог любви за эти годы? Думаю, теперешний интерьер его удручает. Мебели в комнате почти нет. Старый красивый секретер, доставшийся мне от бабушки, завален красками. Кровать, которую я купила на распродаже, не отличается изысканностью. А вещи пока лежат в сумке и висят на гвоздиках по стенам – на шкаф денег еще не наскребла. Ну, ничего, обживусь постепенно. Тем более что в скором времени я от-

сюда вообще съеду.

Наверху активно работали строители, и грохот усиливался с каждой минутой. Лишь бы перекрытия не обрушили, а то останусь я без крыши над головой в прямом смысле.

К обеду я закончила очередной портрет, придиричиво посмотрела на него и поняла, что заказчица останется довольна. Осталось покрыть его лаком. Но это уже завтра.

С чувством глубокого удовлетворения от проделанной работы я направилась на кухню, чтобы немного подкрепиться. Хорошо, что я одна в квартире, и никто не мельтешит перед глазами. Вечером я старалась на кухне не показываться – чего мешать уставшим после работы людям.

Почему-то вспомнился Евгений с его нравоучениями и занудством. Как он сидит, развалившись в кресле или на диване, и недовольно пьет чай. Пошел бы работать, и некогда было бы страдать от обиды на весь мир. Все-таки как замечательно, что я уехала! Работа есть, пусть и не очень интересная, но на жизнь хватает. Осмотрюсь и найду другую, по душе. Быт тоже потихоньку налаживается.

И вот, вся в таких радужных мыслях я стремительно вошла в кухню. И обмерла.

Перед окном, спиной ко мне стоял совершенно голый высокий и стройный молодой мужчина. Он напевал что-то из Луи Армстронга и отбивал такт босой ногой по кафельному полу. Мужчина вытирал мокрую голову моим розовым махровым полотенцем с рыжими белочками из ванной. У его ног

вился Васька и громко утробно урчал.

Надо отдать должное, мужчина выглядел потрясающе – фигура, как у античного бога. Любой натурщик позавидует. Рельефные мышцы спины, ног, ну и всего остального, что можно увидеть при таком ракурсе. А какие руки – накачанные, сильные!

У меня от страха подкосились ноги. Откуда тут взялся незнакомец, да еще в таком виде? Тем более я точно знаю, что дома никого быть не должно. Маньяк, не иначе!

Что делать? Убежать? Я уже на середине кухни, до двери могу не добраться. Осторожно сняла со стены скалку и сжала ее в руке. Без боя я извращенцу не сдамся. Начала тихонько пятиться к двери. По закону подлости наступила на металлическую миску Васьки. Она загрохотала по полу. Васька заорал, полоснул когтистой лапой по ноге маньяка и шарахнулся в сторону.

Маньяк ругнулся, потирая ободранную икру, и сердито оглянулся через плечо. Его глаза вспыхнули похотью и жадной женщины. Любой. А тут так удачно подвернулась я. Он судорожно начал натягивать на рельефные бедра полотенце с белочками. Это ему удалось не сразу. Мое возмущение мешалось с ужасом – моим любимым полотенцем это гад прикрывал срамные места на своем прекрасном теле.

Я замахнулась скалкой. Маньяк замахал руками. Полотенце начала сползать с его бедер. Мужчина снова ухватился за него и шагнул в мою сторону.

– Не подходи ко мне, извращенец! – заорала я не своим голосом.

– Вы все не так поняли... – начал он. Но меня ему было не обмануть.

Извращенец продолжал что-то быстро говорить и протянул ко мне руку, видимо, решив меня сначала придушить, а уж потом изнасиловать.

– Помогите! Помогите! – отчаянно кричала я, размахивая скалкой. – Не подходи, урод!

– Да замолчите же! – крикнул мне маньяк. Ага, сейчас. Не дождешься!

– Спасите!!! – продолжала орать я. Возможно, строители услышат мои вопли, и придут на помощь. – Тут маньяк! Сексуальный!!!

Извращенец решил перейти к решительным действиям и снова шагнул ко мне.

Моя голова закружилась от ужаса. Я угрожающе подняла скалку, но она выскользнула из ослабшей руки и больно ударила меня по ноге. Перед глазами все поплыло, и я начала падать на пол как мешок с картошкой. Сильные руки маньяка подхватили меня. Последнее, что я услышала, было:

– Девушка, не бойтесь, я ваш новый сосед!

«Врешь...» – подумала я и отключилась, провалившись в темную бездонную пропасть.

Глава 2. Макс

Бывает, что день не задастся с самого начала. Не знаю, от чего это зависит. Так или иначе, день начался по-дурацки. С утра должна была приехать корреспондентка из глянцевого городского журнала брать интервью по поводу открытия очередного загородного филиала моего спортивного клуба. Эта статья была важна для меня в качестве рекламы. Но журналистка очень некстати заболела.

И вместо адекватной и опытной знакомой прислали гламурную курицу с длинными золотыми волосами и похожими на толстые пельмени губами. Она сразу перешла к делу – эффектно плюхнулась в кресло, закинула ногу на ногу, эротично облизнула губы и выразительно провела рукой по глубокому вырезу на обтягивающем платье.

Интервью пришлось отложить, курицу отправить восвояси. Ей в стрип-клубе приватные танцы исполнять, а не в приличном журнале работать.

Жаль бездарно потерянного времени. Что ж, буду ждать, когда поправится знакомая журналистка. А пока послал ей коробку конфет, фрукты и бутылку марочного французского вина с пожеланием скорейшего выздоровления.

Потом позвонил отец. Он всегда звонит не вовремя, будто нарочно выбирает время. Я ему срочно зачем-то понадобился в антикварном салоне на Мойке. Отказаться не мог, хотя

и очень хотелось – все-таки я обязан отцу всем, что имею.

По пробкам добрался минут за сорок. Проще было дойти пешком. С трудом припарковал свой ягуар во дворе антикварного магазина. Везде завалы из строительного мусора, припорошенного снегом – папа развил бурную деятельность и расселяет дом. На последнем, третьем этаже уже полным ходом идут восстановительные работы.

Фамильный антикварный салон «Радзивиллов и сын» встретил меня запахом вековой пыли и древних книг. Бесчисленные хрустальные люстры играли веселыми радужными бликами и тонко звенели подвесками. В стеллажах холодно блестела дамасская сталь и наградное оружие. Золотистые корешки книг тускло мерцали в высоких застекленных шкафах. В выставочном зале витали исторические призраки прошлого, и веяло дремучей скукой.

– Мне надо перенести этот комод, – сообщил отец, едва я переступил порог салона и протянул мне белые нитяные перчатки. – Из зала в реставрационную. Никому не могу это доверить. Какая тонкая резьба, какое золочение! – захлебывался от восхищения папа, любовно поглаживая инкрустированную столешницу.

Ну конечно, как всегда. Я незаменимый грузчик-младший партнер в салоне «Радзивиллов и сын».

– Твои работники это сделать не могли? Так ли необходимо было отрывать меня от дела? – обреченно поинтересовался я, натягивая перчатки и уже зная ответ.

– Во-первых, они все косорукие. Во-вторых, это Людовик XV. Хочешь, чтобы я инфаркт заработал, если они его поцарапают?

– Так и я поцарапать могу, – заверил я папу.

Он гневно сверкнул на меня глазами, пытаюсь испепелить, но у него ничего не получилось. Я даже не задымился.

Каждый раз, когда ядвигаю эту проклятую антикварную мебель, мне хочется застрелиться от тоски. Не понимаю я ее ценности, не вижу прелести в старье, пусть даже историческом. «Ну почему, почему, папа, ты думаешь, что мне это надо?» – хотелось завывать мне.

– Осторожнее, осторожнее! Нежнее! Как с женщиной! Слышишь, что говорю? – возмутился отец, надрываясь под тяжестью огромного и неуклюжего комода эпохи французского монарха.

Кстати, Людовик XV и его мадам Помпадур мне никогда не нравились – не уважаю мужиков-подкаблучников, тем более королей. И вот теперь я перетаскиваю комод эпохи разврата и женского доминирования.

За что мне это? Отец-фанатик, помешанный на историческом барахле. И дед у меня такой же. И прадед, судя по всему, тоже был любитель древностей. Семейное дело – это звучит гордо! Я – единственный продолжатель антикварной империи Радзивилов. Тоска, тоска!

Вычурный комод был доставлен на место в целости и сохранности. Я с трудом перевел дух. В просторной и светлой

реставрационной мастерской мерзко пахло рыбьим клеем с какими-то добавками. Клей отец тоже варит лично, по собственному рецепту. Надо отдать должное, он еще и отличный реставратор. Вот только я не в него, однозначно.

Сейчас в мастерской мы были вдвоем. Реставраторы ушли на обед. Посреди помещения громоздился шкаф черного дерева с вставками из слоновой кости викторианской эпохи, напоминающий памятник на кладбище. Рядом с ним на высоченной стремянке стояло ведро с клеем, который и распространял волшебное амбре. Видимо, восстанавливали наверхие этого надгробного монумента.

– Максимилиан, – пафосно обратился ко мне папа, – Ты совершенно погряз в своем спортивном клубе. Мне не нравится, что ты почти не уделяешь внимание нашему фамильному бизнесу. Я уже не молод и не могу со всем справляться один.

Я вздохнул и закатил глаза:

– Отец, ты не один. У тебя есть управляющие. Ты же знаешь, я к этой рухляди равнодушен, пойми меня.

– Опомнись! Это – не рухлядь! – возмутился папа. – Этот шкаф стоит как половина твоего элитного спортзала вместе со всем оборудованием, саунами и прочей ерундой! Возможно, он принадлежал самому Уолтору Патеру, основателю эстетизма. Я со дня на день жду заключения экспертизы. Если это подтвердится, это будет великолепно. Ты понимаешь?

– Нет, – честно признался я.

Это имя мне ни о чем не говорило. Ну не знаком я с этим Патером, и ничего, живу как-то. Мой недоуменный вид вызвал у отца приступ праведного возмущения:

– А, да что с тобой об этом говорить?! Темнота! И в кого ты такой пошел? Посмотри, какие изгибы, какая детализировка! Запомни, не будь моих магазинов, ты бы не смог заниматься тем, что тебе нравится. Хоть с этим ты согласен?

Я обреченно кивнул. Конечно, я все понимаю. И да, он, конечно, как всегда прав... Именно деньги отца дали удачный старт моим спортивным клубам. Без начального капитала ничего бы у меня не получилось. Но я уже давно вернул долги, ведь отец не обязан спонсировать меня.

Ну что ж, попробую в очередной раз убедить папу, что я не совсем потерян для дела «Радзивилов и сын»:

– Обещаю, что когда мне стукнет сорокез, я остепенюсь и займусь этим. А пока мне двадцать восемь и у меня прекрасно идут дела. На днях я открываю загородный филиал клуба. Еще один. Мое дело развивается, клиенты в восторге. Что еще надо? Доход отличный и стабильный. Мне нравится мой бизнес и у меня все получается. Ты же знаешь, я еще не дорос до антиквариата, не дорос до музейных экспонатов. Ну что хорошего в этом шкафу, скажи на милость? Мрачный, страшный. Объясни мне, чего я не вижу, а я постараюсь понять.

Я отступил назад, чтобы получше разглядеть викторианский шкаф. У отца округлились глаза, и он судорожно взмах-

нул руками:

– Стой, изверг!

Но было уже поздно. Я толкнул стремянку, она закачалась, и ведро с рыбьим клеем низвергло на меня все свое мерзкое содержимое. Отец в одно мгновение оказался между мной и шкафом. Он раскинул руки, самоотверженно прикрывая своим телом историческую ценность, и мужественно принял на себя часть потоков клея. Шкаф почти не пострадал. Зато пострадал я.

– О, боги, – стонал отец, суетливо вытирая шкаф ветошью, – О боги, за что мне это? За что мне достался такой безрукий отпрыск? Наследник хренов, – добавил он уже совсем неинтеллигентно. Видимо, поднабрался словечек у строителей. – Ты чего наделал, наказание рода человеческого? Ты едва не убил его. Это же английский декаданс! Слышишь, чучело? Декаданс!

– Папа, а где мне помыться? – спросил я, пытаюсь стереть с лица мерзкую слизь. Она облепила мои волосы, рубашку и джинсы.

– Где помыться?! – возопил отец, трагически потрясая тряпкой. – Нигде! Вон отсюда!

– Не могу же я так на улицу идти...

– В туалете маленькая раковина, ты все загваздаешь, чудовище. Иди на второй этаж, где мои комнаты, там днем никого нет. Отмоешься как-нибудь.

Папа порылся в кармане, нашел ключи, в сердцах швыр-

нул их мне. Серdito сорвал с ренессансного кресла покрывало:

– Полотенца нет. Приведи себя в порядок и попроси кого-нибудь привезти одежду. Мне с тобой нянчиться некогда. Надо клей убирать. Твое счастье, что шкаф остался цел. А то прибил бы тебя на месте.

Вот такой у меня любящий отец. Хотя в данном случае он совершенно прав. Однозначно, реставратор из меня не получится.

Я вздохнул и поплелся по черной лестнице на второй этаж, оставляя за собой ароматные следы из клея. Можно было подумать, что тут прошелся Нептун собственной персоной – смачно пахло рыбой и водорослями.

Узкая лестница вывела меня в темный коридор. Сразу прошел в ванную и с удовольствием сбросил перепачканную одежду на пол. Теплая вода легко смыла липкий клей с тела. Голову отмыл с трудом, но все-таки отмыл. Стричься наголо будет не надо.

Настроение заметно улучшилось. Я позвонил своему другу Богдану, описал в красках ситуацию и попросил привезти какую-нибудь одежду, чтобы добраться до дома.

Отцу осталось расселить, кажется всего одну комнату. И сбудется его давняя мечта – на первом этаже антикварный салон, на втором квартира для него, на третьем для меня. Все под боком, все под контролем. Не хочу его разочаровывать раньше времени, но жить рядом с ним не буду – толь-

ко нервы друг другу трепать. Меня вполне устраивает мой пентхаус. Да и загородный дом тоже очень неплох.

Я вышел из крохотной ванной. Люблю дома походить нагишом после душа – кожа дышит, и приятный холодок бодрит тело. Кроме меня тут никого нет. Загадочная тишина окутывала огромную старинную квартиру. Кто был ее первым хозяином, кто жил тут позже? Что стало с этими людьми в смутное время?

Справа от ванной за стеклянной дверью оказалась довольно большая и убогая кухня. Старинный кафель на полу и стенах. Сохранился неплохо, видимо, делали на века. Разнокалиберные шкафчики, тумбочки. Большой стол посреди-не. Три холодильника, три стиральных машины. Как в сказке про трех медведей.

Жирный кот, потрепанный в боях, подошел ко мне и потерся о ноги. Я почесал его за ухом, и он громко утробно заурчал. Хорошая животинка!

Надо бы найти комнату, от которой отец дал мне ключ, подожду Богдана там. Но это позже. Подошел к окну и залюбовался. Из окна открывался великолепный вид на Мойку. Пожалуй, я буду иногда появляться на своей квартире. Я вытирал голову пушистым полотенцем и мурлыкал себе под нос «Hello Dolly» моего любимого Армстронга.

Вдруг сзади раздался резкий, как выстрел звук. Кот дико заорал, в ужасе вцепился мне в ногу, я стряхнул его и он прыгнул на подоконник, возмущенно выгнув дугой спину.

Что-то загремело по кафелю. Я потер оцарапанную икру и оглянулся.

На меня смотрела насмерть перепуганная девушка. В руке она держала деревянную скалку.

Кое-как прикрылся полотенцем.

– Послушайте... – начал я.

– Не подходи, извращенец! – взвизгнула она, не дав мне договорить.

И с чего это она взяла, что я извращенец? Ну, голый, ну и что? Я же прикрылся уже.

Но девушка продолжала воинственно размахивать скалкой и вопить, как резанная. Можно подумать, голого мужика никогда не видела. Я шагнул к ней. Это было роковой ошибкой. Она заорала еще громче и обозвала меня сексуальным маньяком. Надо было ее как-то утихомирить и успокоить.

– Я ваш новый сосед, – сказал первое, что пришло на ум.

Она снова закричала, угрожающе подняла скалку над головой, побледнела как полотно и неожиданно начала падать. Я подхватил ее на руки, и она отключилась.

Полотенце свалилось окончательно, но мне было не до него. Я шел с девушкой на руках. Она была легкой, как перышко. Босые ступни холодил пол, крытый драным линолеумом. Сейчас я реально был похож на кровожадного маньяка. Голый монстр несет свою бездыханную жертву в мрачное логово по длинному темному и изрядно обшарпанному коридору. Я тщетно пытался найти ее комнату. Все двери были

заперты, наконец, одна открылась.

Помещение, куда я попал, было, мягко говоря, странным – из мебели кровать и старое бюро. Замазанные краской зеркала на стене. С потолка свешивалась убогая люстра на три рожка. Посредине мольберт с портретом какой-то перезрелой дамы. Рядом два светильника на треногах. Все, больше ничего. И что, здесь можно жить?

Положил девушку на узкую кровать. Как она только на ней спит и не сваливается? Хотел привести бедняжку в чувство, но вовремя передумал – я же совсем голый. Побежал на кухню, подобрал упавшее полотенце, налил воды в чашку и вернулся. Девушка все еще не пришла в себя.

Я тихонько похлопал ее по щекам, побрызгал в лицо водой. Ее густые черные ресницы затрепетали. Она медленно открыла глаза. Бездонные, синие, как сапфиры. Я утонул в них и забыл, зачем здесь.

– Как вы себя чувствуете? – осторожно осведомился я, не в силах оторвать взгляда от ее глаз.

– Неплохо, спасибо. А вы кто? – доверчивая и милая улыбка озарила лицо девушки. И тут она все вспомнила. – Не прикасайся ко мне! Отойди, извращенец!

В дверь забарабанили. Видимо, кто-то услышал вопли этой ненормальной.

– Да послушай ты, наконец! – я схватил ее за руки. Делать этого не стоило.

– Спасите!!! – снова заголосила она. – Помогите!!!

Я услышал треск ломаемой входной двери. Через мгновение в комнату ворвалось человек пять строителей, перепачканных пылью и с различными инструментами в руках, включая кувалду и бензопилу. Один из них мрачно ухмыльнулся и поудобнее перехватил в руках лом.

– Отойди от нее, козлина, – по-дружески посоветовал он, глядя на меня исподлобья тяжелым взглядом и потрясая своим оружием.

Очевидно, «козлина» было единственное цензурное слово, которое нашлось для меня. При девушке этот благородный рыцарь ругаться матом, видимо, не хотел.

– Руки за голову! – зачем-то потребовал его товарищ с кувалдой. – Ну! А то мозги-то на место поставим в два счета!

Спорить в данной ситуации было неразумно, я повиновался. И полотенце в очередной раз упало с моих бедер на пол.

Глава 3. Анна

Строители с верхнего этажа подоспели как раз вовремя. Маньяк успел положить меня на кровать и даже поинтересовался, не сдохла ли я еще от страха. Он нависал надо мной горой мышц, как скала и был готов в любой момент обрушиться на меня всей мощью изголодавшегося по женщине самца. Пора было снова срочно терять сознание.

Но злодея остановили грозным окриком. Меня услышали и спасли!

Теперь мужчина стоял перед нами совсем голый, с руками за головой и я потупила взгляд, чтобы не видеть этой срамоты. Он повернулся ко мне спиной, очевидно, чтобы не слишком смущать. И где раньше было его благоразумие? Ишь, какой скромный стал, когда мне пришли на подмогу работяги.

– Игорек, вызывай полицию, – скомандовал мужик с ломом. Очевидно, это был бригадир храбрых строителей-спасителей.

Игорек порывлся в бездонном кармане рабочего комбинезона и достал смартфон.

– Сначала я его сфотографирую для протокола. Девушка, поближе к нему подвиньтесь, в кадр не влезаете. И вид поиспуганнее, поиспуганнее. Он же вас почти изнасиловал, – скомандовал Игорек с видом профессионального режиссера и сделал несколько снимков. – Порядочек! А теперь можно

и полицию.

– Да подождите вы! – взмолился извращенец.

– Чего-ждать-то? – поинтересовался один из рабочих. – Пока ты слиняешь? Не выйдет, и не надейся. И руки за головой держи, тебе их никто опускать не разрешал.

– Послушайте же, наконец! Куда я голый денусь? Я тут живу, – оправдывался несостоявшийся насильник.

– Он врет! – перебила я. – Врет! Не верьте ему. Он тут не живет.

– Я новый жилец, комнату снял у Радзивилова сегодня утром. Могу паспорт показать, он в ванной, в одежде. Я только помыться зашел, испачкался в реставрационной мастерской. Думал, в квартире никого, вот и вышел на кухню.

– Ну, это легко проверить, – протянул бригадир, картинно покачивая ломом. – Фамилию ты мог и на вывеске прочитать. А как зовут хозяина антикварного магазина?

– Дмитрий Алексеевич.

– Гляди-ка, угадал, – вскинул брови бригадир.

– Я не угадывал, я знаю. Пойдемте к нему, он подтвердит, что я не лгу.

– Ладно, пойдем. А для начала покажи паспорт. Игорек, отконвоируй гражданина в ванную. Серега, подстрахуй, чтобы подозреваемый не скрылся с места преступления. А ты прикройся, – грозно приказал бригадир маньяку, – а то девушку смущаешь. Вон как покраснела.

Я старалась не смотреть на обнаженного мужчину. Но гла-

за сами невольно косили в его сторону. Ему было однозначно меньше тридцати. Высокий, темноволосый, с модной стрижкой. Надо же, маньяки, оказывается, за собой следят. Великолепная в меру накаченная фигура. Широкие плечи. Кубики на животе. Ниже лучше не смотреть...

Я отвернулась, но через пару мгновений снова невольно стрельнула в него глазами. Красивый какой. Нарисовать бы его. И назвать картину «Бог любви». И о чем я только думаю? Он же меня едва не изнасиловал!

Аполлон снова прикрылся моим полотенцем и его вывели из комнаты.

– Он тебя точно не обидел? – заботливо спросил меня бригадир. – Хочешь, отделаем его как следует?

– Лучше в полицию сдайте, – милостиво произнесла я. – А то потом затаскают за нанесение телесных повреждений.

Вскоре вернулся Игорек, один и почему-то очень довольный:

– Он и правда тут живет. И ему и правда, нечего надеть. Он у антиквара перепачкался, не врет. Работал там, уронил на себя ведро с клеем. Сейчас ему Серега строительный комбинезон выделит, чтобы девушку не смущал. Мужик безобидный, отвечаю.

Я искренне поблагодарила строителей за помощь:

– Большое вам спасибо, думала, умру от ужаса. Зря я так кричала и всех переполошила. Но мне было очень, очень страшно, правда. Одна в квартире, а тут незнакомый голый

мужик.

– Ничего, дочка, – заверил меня бригадир. – Лучше под-
нять тревогу, чем попасть в беду. Рады были помочь. Что
еще надо будет – кричи. У нас там все отлично слышно, по-
лы уже частично сняли – перекрытие как решето.

Громко топая тяжелыми ботинками, строители покинули
комнату, оставив белые следы извести на полу. Внезапная
тишина оглушила. Только громко тикали старые часы на сте-
не.

Все-таки испугалась я понапрасну. И соседа испугала. Его
едва не побили. Хорошие какие строители – быстро примча-
лись на помощь. Я улыбнулась – забавный случай получился.

Надо, наверное, подружиться с соседом. Он, конечно, сам
виноват, что все так вышло. Нечего было голым шляться по
кухне. Не знал он, видишь ли, что я дома. А если бы в квар-
тире малые дети были? А тут такое непотребство? Травма на
всю жизнь!

В дверь тихонько постучали, если не сказать, поскреб-
лись.

– Это я, – сообщил смущенный мужской голос. – Можно
войти?

– Входи, – бодро ответила я и мысленно собралась.

Если хочешь преодолеть страх, посмотри ему в глаза. Ну
что ж, сейчас я это сделаю!

Аполлон облачился в синий рабочий комбинезон, заля-
панный краской. Комбинезон делал его похожим на сантех-

ника из порнофильма или стриптизера – рельефные мышцы, ухоженная внешность. Хоть сейчас на сцену и исполнять эротические танцы с медленным раздеванием под вопли восхищенных поклонниц. Кстати, вопила я знатно, правда не от восторга, а от ужаса. А поет он, между прочим, очень и очень неплохо, да еще и на английском.

Мой новоявленный сосед замялся и наконец, произнес:

– Прости, что так получилось. Хозяин сказал, тут никого днем нет. Ну, я и расслабился.

– Хорошо расслабился – голым по квартире гулял! А почему мое полотенце взял?

– Машинально взял, извини. Голову вытереть. Даже не подумал об этом. Новое тебе куплю.

– Ладно, – кивнула я. – Только тоже с белочками.

– С белочками? Ну, постараюсь найти.

– Да уж постарайся.

– Сильно я тебя напугал? – он посмотрел на меня, и я поняла, что он точно не насильник. Темно-серые глаза были с наглечой, но не злые.

– Ну что ты! Я очень обрадовалась, когда голого мужика на кухне увидела! – ехидно сообщила соседу. – Даже не представляешь, всю жизнь мечтала об этом.

– Я же уже извинился. Не хочешь ли выпить чаю? – примирительно предложил он. – А то ты бледная какая-то. Может, и меня угостишь?

– Можно, – кивнула я. – Тебя как зовут?

– Макс.

– А я Аня, – протянула ему руку.

Он осторожно пожал ее и располагающе улыбнулся:

– Вот и познакомились.

Улыбка Макса мне понравилась, и я улыбнулась в ответ.

Мы пошли на кухню. Я включила чайник. Очевидно, у Макса здесь пока ничего не было – ни посуды, ни чая, ни еды.

Я выделила ему чашку, и кинула в нее чайный пакетик.

Макс опасливо посмотрел на него, словно это был пакетик с цианистым калием.

– Ты что, только рассыпной чай пьешь? – удивилась я. – Это же возни сколько.

– Зато аромат какой!

– А в чем, собственно, разница? – не поняла я. Взяла из шкафчика банку с листовым чаем и сунула ему под нос. – Гурман, что ли, отличить по запаху можешь, где выращен, когда собран?

Макс поморщился.

– Это у тебя такой листовой чай? Кошмар какой! Он баннным веником пахнет.

– Ну, знаешь, – обиделась я. – Не нравится, не пей. Тем более, я тебе его и не предлагаю. Сойдет и в пакетике.

– Ладно, сойдет, – перестал ломаться Макс.

– Тоже мне, ценитель выискался. Печенье будешь? – я положила на стол печенье в полиэтиленовом пакете и поставила начатую баночку с абрикосовым джемом.

Печенье тоже вызвало у Макса недоумение. Он взял одно и с сомнением повертел в длинных изящных пальцах.

– Печенье-то тебе чем не угодило? – вздохнула я. – Тоже не так пахнет?

– Фасовка странная. Не в коробке, не в пачке.

– Так на развес. На ярмарке брала.

– Ясно, – протянул он. – И ты этим питаешься? Отравиться не боишься?

– Чем? Печеньем?

– Вообще всем этим?

– А почему я должна этим отравиться?

– На ярмарке с лотков торгуют, на улице, сплошная антисанитария. Как-то проезжал мимо, видел. Как там вообще что-то можно покупать? Странно, что это безобразие до сих пор не закрыли.

– Почему безобразие? На ярмарке дешевле, чем в других местах. Я в выходные туда хожу продуктами запастись на неделю. А ты где продуктами закупаешься? В супермаркете? Так там намного дороже.

– Ты такая экономная? – он выгнул бровь и несмешливо поглядел на меня.

– Что делать. Приходится. А ты, видать, транжира, – поддела я соседа.

– Пожалуй, да, – криво усмехнулся Макс.

Своим подходом к покупке продуктов Макс меня удивил. Видимо, хорошо зарабатывает. Я отхлебнула сладкого чая и

отправила в рот антисанитарную печенюку:

– И ты кем же работаешь, богатенький Буратино?

Макс смутился.

– Сегодня помогал антиквару. Там и перемазался в клею.

– Ты реставратор? – удивилась я. Тогда понятно, что он хорошо зарабатывает. – Интересная профессия, и творческая.

– Ну, не совсем реставратор, – широко улыбнулся Макс. – Просто подрабатывал.

– А вообще-то ты кем работаешь, постоянно? Или секрет?

– Ну, всем понемногу, – замялся сосед. – Там, сям подрабатываю. В общем, где придется. Но в основном сантехник. Раковины, джакузи и все в таком роде.

– Короче, мастер на все руки, – констатировала я. – С уклоном в сантехнику.

– Ну, типа того, – кивнул он. – Как-то так.

– Это хорошо, нам в квартире мастеровитый мужик жизненно необходим. Дядя Саша – отставной моряк. Хороший человек, но что с него возьмешь? Старается, как может, только не все у него получается. И это естественно. Вот недавно старая проводка замкнула. Почти сутки без света сидели.

– Тут еще кто-то живет? Я думал, ты одна.

– Нет, не одна. Сейчас про всех расскажу, а вечером с ними сам познакомишься.

Макс кивнул, но мне показалось, знакомиться он ни с кем не планировал. Возможно, антиквар уже подобрал варианты

обмена для моих соседей и обещал Максу, что он и правда, будет жить в квартире один. Хотя странно это, почему я ничего не знаю?

– У дяди Саши не комната, а этнографический музей, – начала я заочное знакомство. – Сувениры со всего мира – ритуальные маски, ракушки, кораллы, даже копье и щит есть. Кажется, из Африки. У дяди Саши часто бывают друзья. То же моряки. Шумят, играют в карты. Но не напиваются. Так, для куража, если только. Кроме дяди Саши тут живет Валя с сыном-школьником. Она работает на заводе, проверяет качество каких-то приборов, или ламп. Ну, это не важно. Ее Олежка учится в третьем классе, до вечера в продленке. Хороший мальчик, умный, и не сильно хулиганистый. Любознательный. Пару дней назад ставил какой-то опыт с лаком для ногтей. Хорошо, что все обошлось, никто не пострадал, кроме Васьки. У того миску для корма из нержавеющей стали залило и она сторела – в ней Олежка нагревал смесь. Ну и пришлось миску потом выбросить. И кухня вся лаком провоняла. Васька обиделся и два дня дома не показывался. А до этого Олежка пытался бенгальский огонь сам сделать. Вовремя заметили и остановили. Сейчас за его воспитание взялся дядя Саша – они вместе что-то мастерят по вечерам. Мальчишке нужен старший товарищ, раз отца нет. Так что думаю, больше у нас ничего взрываться и гореть не будет.

– Да уж, с такими соседями не соскучишься, – усмехнулся Макс. – Весело тут у вас.

– Теперь и у вас. Ты привыкнешь. Соседи у нас хорошие. Мне они очень помогают. Я же в Питере никого пока не знаю. А ты тоже неместный?

– Я петербуржец, потомственный, – гордо сообщил мне он. – А ты откуда?

– Я до этого жила в Златогорске. В общем, провинциалка. Комната досталась в наследство от бабушки.

– И как тебе Питер? – Макс осторожно попробовал чай. Убедился, что это не отравка, и рискнул взять печенье.

– Я давно влюблена в этот город. Первые дни от окна не могла отойти – рисовала и рисовала. Вид тут отличный.

– Ах да, конечно, я же у тебя в комнате мольберт видел. Правда, мне тогда не до того было, чтобы картины рассматривать. Так ты художница?

– Ну, это громко сказано – художница. Окончила училище, думаю летом попытаться поступить в Академию. Готовлюсь потихоньку.

– Покажи мне свои картины, – попросил сосед.

Мы вернулись в мою комнату.

– На эту не смотри, это на заказ, – кивнула я на мольберт. – Просто пишу такое ради денег. То, что хочет видеть клиент. Я не лицемер, поверь. Высокое искусство – это хорошо, но кушать хочется каждый день.

Макс с интересом начал разглядывать мою работу.

– Ты над ней иронизируешь, – заметил он, кивнув на портрет.

– Есть немного, – искренне призналась я. – Самую малость.

На портрете дама бальзаковского возраста была разодета в лиловый бархат и меха неизвестного науке зверя. Ее гордое чело украшала блестящая диадема. Глаза эротично щурились, полные губы обещали блаженство, а глубокое декольте открывало аппетитную грудь юной девы. Рядом стояло фото, на котором довольно вульгарная особа смотрела взглядом изголодавшейся волчицы.

– Как видишь, я смогла придать ей благородства и загадочности. А значит, деньги на ближайшую пару дней у меня будут.

– Почему этот портрет так дешево стоит? – изумился Макс. – Конечно, не Леонардо. Но он все-таки большой.

– Так это же портрет по фотографии. Это не искусство, лажа. Но народу нравится, заказывают. А вот мои пейзажи. Думаю, они поинтереснее получились. Там Златогорск, а эти два – вид из окна.

Я сгребла краски в сторону, освобождая место на секретере и расставляя холсты.

– Что скажешь? Ты мой первый критик. Говори честно, не бойся обидеть. Глас народа – глас Божий, так сказать. Хочу узнать авторитетное мнение сантехника.

Макс взял один из пейзажей в руки и долго его рассматривал. Это был как раз вид из окна во время снегопада.

– Я, конечно, не ценитель, но мне нравится. Настроение

есть. Как у ранних импрессионистов. Моне напоминает. Но не подражание, и это отлично.

Кажется, он был искренен, и картина ему и правда понравилась. Не знала, что сантехники разбираются в импрессионистах. Хотя почему бы и нет? Тем более это же питерский сантехник. А в этом фантастическом городе все пропитано искусством.

Глава 4. Макс

Картины Ани мне и правда, понравились. Думаю, если она будет выставлять их в какой-нибудь галерее или художественном салоне, сможет неплохо продавать свои работы. Надо купить у нее парочку в качестве компенсации за причиненные неудобства. Повешу в кабинете, над рабочим столом. А еще надо подарить девушке хороший чай. А то пьет всякую дрянь. И пригласить в приличное кафе. Вот это будет нормальное извинение. Она, наверняка, кроме как в Макдоналдсе, нигде не была.

И потом мы забудем друг о друге. Так что правильно сделал, что не сказал, кто я на самом деле. Зачем ей это? Пусть думает, что я простой сантехник. Наши орбиты случайно пересеклись, и мы разлетимся в разные стороны, как кометы в бесконечном пространстве холодного космоса.

А так у Анны могло бы возникнуть искушение рассказать своим знакомым о том, что собственник спортивных клубов любит ходить голым по квартире. И еще неизвестно, чем такая женская болтовня может обернуться для меня. Сейчас девушки все тащат в интернет, на всеобщее обозрение. Не Аня, так ее подружки. Подпортят имидж, потом восстанавливай, как хочешь и объясняй всем, что не верблюды.

Хотя, наверное, надо было представиться не сантехником, а кем-то более романтичным и интеллигентным. Например,

смотрителем музея, или, на худой конец, библиотекарем. Хотя не все ли равно, кем я назвался? Просто ляпнул первое, что пришло на ум. Видимо, согласно теории старины Фрейда подсознание подсказало определенные ассоциации с рабочим комбинезоном на голом теле и порнухой. Да разве это так важно?

Уже через пару дней мы, скорее всего, даже не узнаем друг друга при встрече на улице.

Мы вернулись на кухню и продолжили чаепитие. Я украдкой поглядывал на Аню – русые волосы забраны в высокий хвост, стройная, худенькая, среднего роста. Симпатичная? Пожалуй. А какие у нее глаза! Синие, как озера и немного озорные. Как она на меня смотрела, когда про чай спрашивала! Видимо, приняла за придурка, который решил попонтоваться перед девушкой.

На вид, думаю, ей лет двадцать. Молоденькая, а какая самостоятельная. Живет в этих руинах (А как иначе назвать подобную квартиру?), готовится к поступлению, и не куда-нибудь – в Академию художеств. Да еще и работает. Правда, питается не поймешь чем. Конечно, денег ей на нормальную жизнь не хватает. А она не унывает. Удивительная оптимистка!

Вот интересно, а Дарина, или Анжела, или еще кто-то из моих знакомых девушек смогли бы так жить? Нет, конечно. Им в жизни повезло. У них если ноготь сломается – уже конец света. Сразу истерика, настроение испорчено, жизнь не

удалась. Самая большая проблема – что будет модно в этом сезоне. Не попала в тренд – все, иди и застрелись от обиды. Или поплюй ядом в удачливую подругу, удержавшуюся на гребне модной волны.

Однако что-то Богдан задерживается. Просил же его побыстрее привезти одежду. Неужели так сложно помочь? Богдан любит поиздеваться, есть у него такая пакостная черта характера. Поймал себя на мысли, что раздражен и злюсь на товарища.

– Слушай, а ты не голодный? – вывела меня из задумчивости Анна.

– С чего ты это взяла? – а вообще-то я поел бы. Переоденусь и сразу приглашу ее в кафе. Или лучше в хороший ресторан.

Аня продолжала грызть печенье, намазав его джемом:

– Ты же с работы сюда пришел отмываться. Продукты купить не успел, а уже за полдень. Думаю, может, ты есть хочешь, а я тебе одни печеньки предложила. Будешь яичницу? В момент сделаю. У меня еще и сосиски найдутся. Я, собственно, обедать собиралась, когда тебя на кухне обнаружила. Так что составь мне компанию. Вдвоем обедать веселее.

Она застенчиво улыбнулась, и я в очередной раз утонул в ее бездонных глазах. Такой улыбки я сроду не видел – добрая, чистая. И немного наивная.

– Нет, спасибо, я не голоден. Правда, – от ее предложения накормить меня мне стало неловко. Она же меня совсем не

знает, только что думала, что я маньяк. И вот на тебе – такая забота!

– Ты смотри, не стесняйся. Мне не сложно. Так что я и на тебя сейчас сготовлю. А в другой раз, когда у меня денег не будет, ты меня накормишь. Выручишь, так сказать. У тебя, работа, похоже, стабильнее, чем моя.

– Однозначно, стабильнее, – машинально согласился я.

Неужели у нее так бывает, когда реально поесть нечего? Как же она ухитряется при такой жизни еще и улыбаться?

Аня достала из холодильника постное масло в бутылке, сосиски, яйца, подошла к плите и начала колдовать над яичницей. Она ловко порубила лук, и бросила его на скворчащую сковороду. Скоро кухня наполнилась ароматом жареных сосисок и каких-то специй. Я окончательно понял, что страшно проголодался.

В коридоре раздались неспешные шаги. Надеюсь, это Богдан. Не прошло и года, как он соизволил, наконец, доехать и привезти мне вещи.

Богдан появился на пороге кухни:

– Привет. У вас входная дверь сломана.

– Знаю, – буркнул я. – Чего так долго?

Он проигнорировал мой вопрос.

– Ну и дыра, – скривился Богдан, критично оглядывая кухню. – А с улицы домик вполне приличный. Вот, что нашел, то и привез, – коварно усмехнулся мой друг, протягивая небольшую спортивную сумку. – А комбинезон тебе идет.

Очень эротично. Еще маслом намазать и прямо хоть сейчас в стриптиз-клуб на сцену. Поверь, все девицы будут у твоих ног.

Богдан снова окинул взглядом помещение:

– Думал, таких общежитий уже нет в природе. Настоящий каменный век.

– Богдан, это не общежитие, это коммунальная квартира, – поправил я друга.

– Все едино. Печально и уныло. Кафель древний, мебель страшная. Видно, что ремонт пытались делать, но уж очень убого получилось. Как у Достоевского в его тоскливых романах. Только Раскольников с топором не хватает. Как тут жить вообще можно?

Я конечно, не Раскольников с топором, а голый Радзивиллов, но аналогия возникал сразу. Два маньяка. Один хочет денег, другой секса. Хорошо, что Богдан эту тему не стал развивать, и на том спасибо.

Аня посмотрела на Богдана с удивлением. Видимо, не понимала, что ему на кухне не понравилось.

– Чисто, убрано. Потолок беленый, светлый. А глобальный ремонт зачем делать, если квартиру все равно расселяют?

– Кстати, этот зануда – мой одноклассник, Богдан, – представил я его Ане. – А это – подающая надежды художница Анна.

– Очень приятно, – расплылся в улыбке друг.

– Мне тоже, – Аня протянула ему руку, и Богдан галантно поцеловал ее, одарив девушку демоническим взглядом исподлобья.

Она смутилась и отняла руку. Богдан удовлетворенно усмехнулся. Смущение девушки ему явно польстило и позабавило.

– Иди, переоденься, чего ждешь? – поторопил меня Богдан.

Взгляд Ани дольше положенного задержался на красавце Богдане. Он чуть ниже меня ростом, но тоже накачан и подтянут, как фотомодель. Светло-русые с легкой рыжинкой волосы и темные карие глаза – редкое сочетание. Небольшая модная бородка настоящего породистого мажора. Одет дорого, с иголочки.

Да, от такого роскошного мужчины девушки сразу начинают сходить с ума. Аня перехватила изучающий взгляд Богдана и уставилась в пол. Даже покраснела. Ах, какая скромница!

Я пошел искать комнату, от которой мне дал ключи отец. Богдан из любопытства последовал за мной. Для него коммуналка тоже экзотика. Почти квест.

Комнату нашли не сразу, так как добрый папа просто швырнул мне ключи, ничего не уточняя. Высокая двустворчатая дверь, крашенная противной голубой краской, подавалась с трудом.

Применил усилие, и она со скрипом распахнулась, впус-

кая нас в пустое и пыльное помещение с узким окном во двор. Давно немые стекла затянула плотная паутина. Пол скрипел при каждом шаге. Правда, под потолком сохранились гирлянды из лепных цветов. Уверен, папа их восстановит в первоначальном виде.

– А девочка нечего, симпатичная. Только шуганная слегка, – заметил Богдан, брезглив потрогав пальцем пыльный мраморный подоконник.

– Она не шуганная. Это я ее напугал. Случайно.

Натянул на себя спортивный костюм фирмы «Адидас» и понял, что выгляжу по ублюдски. Он был мне откровенно короток.

– На фига ты мне это убожество приволок? – поинтересовался я. – Поиздеваться захотел?

– Ну, что нашел, то и принес. Не в магазин же бежать. Я тебя немного пониже, чего ж ты хочешь? – рассмеялся мой друг не без злорадства. – Слушай, а в этой малышке что-то есть. Одухотворенное лицо, ясный взгляд. Какой-то провинциальный налет. Флер. Она же приезжая? Угадал?

– Угадал, Шерлок. Из Златогорска, – буркнул я.

– О, дремучая провинция. Мило, очень мило. Однако скоро этот шарм с нее сойдет, – философски заметил Богдан. – Будет как все. Нарастит ногти, ресницы, волосы и все остальное, что они там на себя клеят. Нарисует густые брови. Влезет в кредиты, купит брендовых шмоток. И не важно, что они ей будут идти как корове седло. Зато не хуже, чем у по-

друг. Подкачает губы, грудь, задницу. И начнет искать богатого мужа. Ск-у-у-ка! Все старо, как мир. Так что надо пользоваться, пока она свежа и экзотична. Это большая редкость в нашем циничном городе. Согласен?

– Она не такая, – мне стало почему-то неприятно.

– Ты-то откуда знаешь? Знакомы всего полчаса, а уже – она не такая! Поверь мне, скоро станет обычной курвой, каких в Питере пруд пруди. Они приезжают сюда только за одним – найти богатого мужика и жить припеваючи. Хоть замужем, хоть в любовницах.

– На ее счет ты ошибаешься, – стоял я на своем. Не может девушка с такими глазами и такой улыбкой превратиться в обычную охотницу за богатым мужиком. И она добрая, а это в наше время такая редкость.

– То есть, по-твоему, она не хочет удачно выйти замуж? – сыронизировал Богдан.

– Возможно, и хочет. Только понятие «удачно» я думаю, у нее может сильно отличаться от нашего.

– И с чего это ты так решил?

– Тебе не понять, – усмехнулся в ответ. – Она добрая. Знаешь, что это такое?

– Догадываюсь, – скривился в подобию улыбки мой друг. – Значит, добрая не может быть охотницей за богатством? У тебя железная логика.

– Ты циничен до неприличия.

– А ты, конечно же, нет. Ты не циничен, ты обаятелен.

Вот и завойю ее своим обаянием. Но без денег. Не делай ей дорогих подарков, не води по клубам. Уверен, ничего у тебя не получится. А между тем она тебя уже охмурять начала, а ты и не заметил. Глазки строит, улыбается, чаем поит. Прикармливает, короче. А потом захочет и к рукам прибрать.

– Она не знает, кто я. Думает, просто новый жилец. Я ее разубеждать не стал.

– И ты ей поверил? Наивный до невозможности! Твоя физиономия в каждом глянцево-м журнале мелькает, все питерские новости в инете трещат о твоих клубах.

– Уверен, ей такие журналы читать некогда. И в интернете она не торчит днями и ночами. Аня работает, ей не до подобной ерунды.

– Она тебя зацепила, – ухмыльнулся Богдан.

– Возможно. Самую малость. Она не из нашего круга, ты прав. Но это не делает ее хуже.

– Я этого не говорил, заметь. Но уверен, если ей придется выбирать между обаятельным обывателем, и успешным бизнесменом, она выберет последнего. Она же не конченная дура. Желаете проверить? Ты же любишь эксперименты. Ну?

– Богдан, я тебя со школы знаю. Берешь на слабо? Хочешь пари?

– Почему нет? Обаяние против денег. Что выберет провинциалка? Мне уже интересно. На что спорим?

– На что хочешь. Я в себе уверен, – усмехнулся я.

– А я в себе. Давай на бутылку Хенеси ХО, что ли? Коньяк

еще никому лишним не был. И нельзя же это пари считать серьезным. У тебя все равно нет шансов. Идет?

– Идет. Срок – два месяца.

– Не много ли? Я ее меньше чем за пару недель получу.

– Не думаю.

– Ладно, дам тебе фору. Два месяца так два месяца, – кивнул Богдан. – Я спешить не буду. Но она влюбится в меня как кошка уже через неделю, если не раньше. Гарантирую.

Мы пожали друг другу руки, и пари было заключено.

– Я поднимусь наверх. Мне надо вернуть комбинезон строителям. И заберу вещи из ванной. Надо их выкинуть, наверное, не в чистку же отдавать.

– Ладно, я пока побеседую с молодым дарованием, – карие глаза Богдана загорелись азартом.

Его взгляд мне не понравился:

– Только давай договоримся, ты ее не обидишь и не оскорбишь.

– За кого ты меня принимаешь? – возмутился Богдан. – Она сама повесится мне на шею. Я ее об этом даже просить не буду. Но у меня тоже есть условие. Ты не будешь использовать свои или отцовы деньги и связи. Только то, что заработаешь как простой смертный. А обаяние можешь включить на всю катушку. Ну, а за стенами этой халупы живи, как и раньше. Я же не изверг, не буду требовать от тебя постоянного прозябания в нищете и воздержания. Это было бы слишком жестоко с моей стороны.

– Договорились. Поживу здесь, найду какую-нибудь работу. Даже интересно, как оно.

Богдан пошел на кухню, а я поднялся к строителям, чтобы вернуть комбинезон. Я уже попросил Игорька и Серегу, когда показывал им паспорт, сохранить мое инкогнито. И, естественно, удалить все фотографии с моим ню.

На тот момент мне страшно не хотелось, чтобы таблоиды пестрили заголовками типа «Представитель золотой молодежи занимается эксгибиционизмом на кухне в коммунальной квартире. Куда катится мир?» Эта просьба обошлась мне не слишком дорого, и мы сошлись на сумме, приемлемой и для меня, и для принципиальных представителей рабочего класса.

Я попросил работяг и в дальнейшем не разглашать мою личность. Они не возражали, тем более что это тоже было не бесплатно.

Когда я вернулся, Богдан на кухне уже вовсю уплетал яичницу и болтал с Аней как старый добрый знакомый.

– Присоединяйся, – широким жестом указал он мне на табурет. – Я заказал еду из ресторана. Скоро доставят. А пока можно перекусить яичницей. Аня прекрасно готовит. Пальчики оближешь!

Аня расплылась в довольной улыбке и замахала руками:

– Да перестань! Ничего особенного.

– Просто пища богов, – продолжал беззастенчиво льстить Богдан. – Очень вкусно, правда.

Его натиск меня несколько обескуражил. Как-то лихо он приступил к делу. Пожалуй, слишком лихо.

– Жаль, моему другу и однокласснику так не повезло в жизни, как мне, – продолжал заливаться соловьем Богдан. – Учились в одном классе, но я пошел в гору, а он, как видишь, зарабатывает на хлеб насущный в поте лица. Но зато он весел и беззаботен, а я обременен бизнесом. И он славный малый, уж поверь, – добродушно и покровительственно похлопал Богдан меня по плечу.

Обед прошел оживленно. Богдан сыпал остроумием и просто источал благородство и обаяние, видимо забыв, что это должен был источать я. Аня смеялась и задорно сверкала глазами. Ей было весело, и, очевидно, легко в нашей компании.

Богдан попросил Аню показать свои работы. Он снова рассыпался в комплиментах и пообещал помочь девушке выставить несколько картин в салоне нашей общей знакомой и одноклассницы Даши, которая в богемных кругах предпочитала именоваться Дариной.

Наконец он ушел, на прощание напомнив, что с этого момента я не могу пользоваться деньгами, полученными от спортивных клубов.

И тут я понял, что сегодня мне не на чем будет спать, нечего будет есть, и из одежды у меня только убогий спортивный костюм и залитые клеем брендовые шмотки. Может, пока рано их выкидывать? Пожалуй, воспользуюсь любезным

предложением Ани и постираю их в ее машине.

Итак, надо начинать зарабатывать деньги своими руками и немедленно. А для начала привести в божеский вид комнату, если я собираюсь тут жить. Похоже, надо ее вымыть... Вот только как это делается?

Глава 5. Аня

Я взяла очередную фотографию, поставила на мольберт большой холст и приступила к работе. Наверху продолжали рушить стены, очевидно поставив целью разнести третий этаж к Ядрене-Матрене. Водрузила на голову наушники и сделала музыку погромче. «Оргия праведников» оглушила и увлекла в мир страстей и противоречий. Флейта дарила надежду, бас-гитара обещала, что все закончится плохо.

На этот раз мне предстояло написать портрет по заказу одной дамы к юбилею ее дорогого супруга. Скучно, банально. Но что делать?

На фотографии бесцветный мужчина в камуфляже попирал ногой кабанчика, заваленного на охоте. В одной руке он держал ружье, другой лихо подбоченился. Почти сафари. Ему только не хватало колониального пробкового шлема и бриджей.

Но заказчица пожелала увидеть мужа в виде благородного английского дворянина времен Тюдоров. Небольшого кабана следовало увеличить до размера если не слона, то, по крайней мере, буйвола. От меня требовалось придать выражению лица охотника мужественности, а морде кабана свирепости. Да и о благородстве юбиляра тоже забывать не стоит. Живот убрать, плечи расширить. В глазах огонь и страсть, во всем облике – гордость и достоинство.

Руки работали машинально, рисуя бордовый атласный камзол, расшитый золотом и белоснежные кружева на воротнике и манжетах. Страусовые перья на широкополой шляпе, серебряные пряжки на ботфортах. Все, что пожелала заказчица. Тут вдохновение никому не нужно, главное, чтобы смотрелось дорого-богато.

Поэтому мысли унеслись подальше от бравого охотника и его добычи. Интересный друг у Макса. Да и сам Макс интересный, даже загадочный. Так и не поняла, чем он конкретно занимается. Не то сантехник, не то помощник реставратора.

А Богдан уже сделал блестящую карьеру – правая рука отца в промышленном концерне «Металлопрокат». Как он сам признался, серьезная компания и большая ответственность. Молодой, а уже один из директоров. Но он, похоже, не заносчивый и не сноб. Продолжает дружить с одноклассником, который ему явно не ровня. Молодец!

В дверь постучали, и довольно громко. Возможно, в нее колотили уже давно, просто «Оргия» заглушала все что можно, включая разрушение верхнего этажа. Сняла наушники и отвлеклась от работы.

– Заходи! – крикнула я. Ясно, что это Макс, мы в квартире одни. – Чего тебе?

– Мне надо комнату отмыть, – замялся он на пороге. – У тебя ведро и швабра займы будут?

– Будут. В ванной в шкафчике слева внизу. Зеленое эмалированное ведро мое. В нем тряпка. Швабра в углу там же.

Он исчез, но что-то подтолкнуло меня последовать за ним. Я отложила уголь, вытерла руки и пошла за Максом. Он стоял в ванной и с удивлением рассматривал швабру, вертя ее в руках, словно редкий артефакт.

– Ты чего на нее так смотришь? – поинтересовалась я.

– Я думал, у вас тут такая, какими уборщицы в офисах моют. Ну, которая сама в ведре отжимается. А это странная, без щетки. А перчатки есть?

– Швабра как швабра. На крутую у нас денег нет. И эта нормальная. Еще и перчатки тебе подавай! – пробурчала я, и покопалась в ящике. – Вот, должны тебе подойти, белоручка. Я в перчатках только места общего пользования мою.

– В смысле? – вскинул брови Макс.

– В смысле, когда дежурю. Вот график, – ткнула я пальцем в бумагу на стене. – Мы тут уборщиц не держим, сами убираем и коридор, и санузел, и кухню. Надо тебя, кстати, в список включить. Попозже впишу.

Макс посмотрел на меня если не с ужасом, то уж точно с удивлением. Надел перчатки, брезгливо бросил в ведро с водой тряпку и поплелся к себе. Как на казнь. Беспомощный он какой-то. Я взяла еще несколько небольших тряпок и пошла за ним.

– Пока ты полы моешь, я тебе с окном помогу, – мило-стиво заявила ему. – Похоже, ты не очень разбираешься в уборке.

– Если честно, не люблю это делать. Занятие не для муж-

чины.

– Ясно, значит, у тебя твоя подруга убиралась раньше. Позови ее и сюда, путь и тут на тебя батрачит, раз ты такой ба-рин.

– Нет у меня подруги, и никого я не заставляю убираться у меня под дулом пистолета. Я констатировал факт и все, – пробубнил себе под нос Макс. – Уборка – не мужское дело.

– Ага, а пылью зарастить мужское дело. Не убирайся, зачем? И так сойдет. Будешь сидеть в паутине и грязи.

– Я уже убираюсь, просто бурчу, – он двумя пальцами вынул из ведра тряпку, не отжимая, плюхнул ее на швабру и начал развозить грязь посреди комнаты.

Я с интересом наблюдала за ним. Подобные манипуляции он проделал несколько раз. И если сначала в комнате было только пыльно, теперь стало еще сыро и грязно. Макс продолжал елозить шваброй по полу. Чище от этого, естественно, не становилось. Разводы на паркете увеличивались, и в воздухе запахло мокрой пылью.

Пока Макс играл в матроса, драящего палубу, я начала протирать окно. Пауки бодро разбегались во все стороны, очевидно ругая меня последними словами.

– У меня такое чувство, что ты ни разу в жизни не мыл полы, – подозрительно произнесла я, глядя на его тщетные попытки навести чистоту.

– Мыл, – бодро, но не убедительно ответил он и широко махнул шваброй. – Слушай, ты меня смущаешь. Иди, рабо-

тай, не надо мне помогать.

Макс лихо сунул швабру вместе с тряпкой в ведро и опрокинул его. Ведро загрохотало по полу, брызги полетели во все стороны, и на полу мгновенно образовалась гигантская лужа. Бедняга Макс попытался отпрыгнуть в сторону, но поскользнулся на грязной воде, замахал руками, все-таки потерял равновесие и плюхнулся на пол. Надо отдать должное, вскочил он быстро. Макс стоял посреди лужи со зверским выражением лица и сжимал швабру как копьё. Через мгновение он метнул ее в стену:

– Вот зараза!

Швабра описала дугу и оставила глубокую отметину на штукатурке. Макс сердито отряхивал воду со штанов и был в бешенстве.

– Повесь на батарею, они высохнут быстро, – посоветовала я, пытаясь сдержать рвущийся наружу смех.

– И так сойдет, – в сердцах огрызнулся Макс. – Ну и денек у меня выдался!

Я глубоко вздохнула, подобрала швабру, осмотрела ее. Она не пострадала.

– Сломаешь – купишь новую, дорогую. Которая сама себя отжимает, – предупредила Макса.

Он коротко и сердито глянул на меня, словно это я толкнула его в лужу.

Быстро собрала воду в ведро, поменяла ее на чистую и за пару минут вымыла небольшую комнату.

– Ловко как у тебя получилось, вот что значит хозяйка, – восторженно и беззастенчиво польстил мне Макс, который уже успел прийти в себя после того, как сел в лужу.

– Ты – мелкий подхалим! Делов-то был всего ничего, – я вернула ему швабру. – Иди, чудо, вымой тряпку и повесь ее сушиться на ведро.

Интуиция подсказала мне, что все действия Макса по уборке помещений надо держать под неусыпным контролем. Теперь огромная лужа натекла еще и в ванной. Радовало только то, что посреди нее не сидел Макс.

– Ох, и безрукий ты, – вздохнула я и в очередной раз вытерла пол.

– Мне сегодня это говорят уже вторично, – криво усмехнулся новый сосед.

– И кто это подметил раньше меня? – я не смогла сдержать любопытства.

– Антиквар с первого этажа.

– Ну конечно, когда ты ведро с клеем на себя уронил, – могла бы и сама догадаться. Как еще назвать такого бесценного помощника?

– Да, он, – недовольно ответил Макс.

– А что же ты от него ожидал? – звонко рассмеялась я. – Правильно он тебе назвал. Тут обижаться не на что.

В коридоре заскрипел пол. Тяжелые шаги медленно приближались, кто-то шел в нашу сторону.

– Входная дверь-то у нас сломана! – спохватилась я. – Из-

за тебя ее сломали, ты давай и чини. До ночи надо сделать.

Макс не успел мне ответить, как в дверь заглянул мужчина средних лет, полноватый и отлично одетый. На голове у него была шапка-пирожок из черной норки, низко надвинутая на лоб, а вокруг шеи намотан длинный светлый шарф. Мне он показался похожим на какого-нибудь режиссера или профессора. Однозначно, представитель интеллигенции.

– Добрый день, – расшаркался он. – Вы, очевидно, Анна Вишнякова?

Я кивнула:

– Да, это я.

– Мы с вами созванивались вчера. Я по поводу картин.

За этой суматохой я совсем забыла о его визите. Этот господин связался со мной, так как ему понравились мои работы, которые я разместила в соцсетях. Фотографии получились не очень, надо их поменять на более качественные. Но на все времени катастрофически не хватает.

– Да, да, конечно. Пойдемте, я вам покажу, что у меня есть в наличии. Вы интересовались пейзажами, как я поняла?

– Именно, именно. Теми, что вы выставили в интернете.

Я повела посетителя к себе, оставив Макса одного заниматься уборкой. Надеюсь, окно он сумеет домыть без моей помощи и без потерь, не выбьет стекло и не разнесет раму в щепки.

Зайдя в мою комнату, мужчина окинул ее, как мне показалось цепким взглядом. Ну, смотреть тут особо не на что –

обстановка небогатая, а я не обязана производить на всех впечатление. Тем более что посетитель сам пожелал приехать ко мне. Это не музей, а гибрид мастерской и спальни. Да, я так живу, и мне не стыдно за мои стесненные условия.

Картины стояли на секретере и вдоль стены. Я нашла еще несколько пейзажей и представила их на суд посетителю.

Он бегло осмотрел полотна.

– Очень неплохо, – проговорил он. – В целом мне нравится. Я думаю заказать пару-тройку картин для своего загородного дома. Какие-нибудь идиллические сельские пейзажи. Овечки, стожки, лужки... Пастораль. Да, именно. Пастораль. Побольше воздуха, природы!

– Я поняла. Буду рада поработать для вас.

Посетитель глубоко и несколько печально вздохнул:

– Кстати, это бюро вызывает у меня ностальгию.

– Я думала, это секретер, – никогда не разбиралась в названиях старой мебели.

– Можно и так сказать, это не принципиально. Я страшно сентиментален. Точно такое было у моей бабушки в деревне. Как же давно это было – босоное детство, деревянные игрушки... Вам не понять, Вы не жили в то голодное и мрачное время. Но даже тогда мелькали и светлые моменты, – он снова грустно вздохнул и погладил бюро по полированной поверхности. – Моя бабушка была святой женщиной. Какой борщ она варила, а какие вареники с вишней делала! Читала мне сказки, пела колыбельные, вязала носки и варежки.

– Хорошо иметь таких родственников, – я его понимала. Мои совсем не походили на добрую бабушку посетителя.

– Продайте мне это бюро. Я вам неплохо за него заплачу, – неожиданно попросил мужчина.

– Простите, не могу.

– Подумайте над моим предложением, я хорошо заплачу. Зачем вам это старье? А мне оно будет напоминать о детстве, о моей любимой бабушке.

– Это тоже память, и тоже о моей бабушке. Я никогда не продам его.

– Возможно, вы передумаете, когда я назову вам сумму.

– Нет, однозначно нет, – разговор уходил в сторону, и я поспешила вернуть его в прежнее русло. – Так какие картины вы планируете мне заказать? Я бы хотела узнать подробнее о тематике и размерах.

Мне показалось, что интерес посетителя к моим шедеврам заметно поубавился.

– Я подумаю и перезвоню вам на днях, – как-то бесцветно произнес он.

Шестое чувство подсказало мне, что ничего этот господин у меня не закажет. Жаль, но что поделать. Значит, работы не произвели на него должного впечатления. Конечно, живую картину выглядят совсем по-другому, чем на фото. Видимо, мой стиль письма его не устроил.

Посетитель ушел, а я снова взялась за работу. И снова меня прервал Макс.

– Чего он от тебя хотел? – начал допытываться он. – Подозрительный тип.

– Картины заказать хочет, – пожалала я плечами. – А тебе-то что? Думал, у тебя конкурент появился? Еще один злодей-насильник?

Макс сердито буркнул:

– Мутный он какой-то. Глаза бегают.

– Кто бы говорил! – усмехнулась я.

– Не понравился мне он, – стоял на своем Макс. – Слушай, надо и правда, дверь заменить. Эту уже не восстановишь – рабочие ее полностью раздолбасили, когда к тебе на выручку спешили. Я уйду ненадолго. Одну тебя оставлять в пустой квартире без двери не хочу – мало ли что. А то внизу все нараспашку – строители мусор выносят. Заходи, кто хочет.

– Ну что еще со мной может произойти? Ты на меня уже сегодня напал. Молния дважды в одно место не бьет, – попыталась я успокоить Макса.

– Хотя ты так орешь, что строители, скорее всего снова тебя спасут, если что случится. Но ты все-таки запишись в комнате хотя бы пока соседи не придут, и никуда не выходи.

– Ишь, какой заботливый маньяк у нас в квартире завелся! И вовсе не сексуальный, – рассмеялась я и тут же осеклась, увидев выражение лица Макса. – Ой, прости, я совсем не то имела в виду!

Но Макс уже успел надуться, как мышь на крупу. Или мне это только показалось? В любом случае, острить с мужчиной

о его не сексуальности – лишней раз причинять душевные муки и страдания. Но меня просто подмывало над ним подшутить. Макс мне нравился все больше и больше. Он, похоже, милый и добрый. И совершенно неприспособленный к быту. И откуда он такой взялся?

Глава 6. Макс

За пару часов я успел побывать сексуальным маньяком и несексуальным маньяком. Даже не знаю, что хуже – первое или второе? Видимо, второе обиднее и оскорбительнее. О, великий и могучий русский язык!

Опять по черной лестнице я вернулся в салон, открыл металлическую дверь и оказался в мастерской. Два реставратора трудились над викторианским шкафом, а отец любовно натирал какой-то мастикой комод Людовика XV. В воздухе резко пахло скипидаром. Увидев меня в адидасе, отец удовлетворенно хмыкнул:

– Максимилиан, ты неотразим! Элегантность так и бьет в глаза. На гопника похож. Это убожество тебе привез злейший враг?

– Это Богдан постарался. Папа, надо поговорить, – я кивнул в сторону двери.

Отец тяжело вздохнул, отложил велюровую тряпочку с мастикой, раздраженно снял рабочие перчатки, и мы прошли в его кабинет.

– Ну, что еще у тебя? – обреченно поинтересовался он.

– Две новости, странная и хорошая. С чего начать?

– С плохой, – отрезал отец.

– Тогда со странной. В квартире на втором этаже разбита дверь в коммуналку. Починить ее невозможно.

– И какой же паразит это сделал? – искренне возмутился отец. – Там народ живет вроде тихий, непьющий. А днем вообще никого нет.

– Днем там вообще-то кто-то есть. В квартире недавно поселилась девушка. Наследница старушки. Ты ее еще искал, чтобы выкупить комнату.

– Ну, это хорошо, что она объявилась. Зайду к ней днями по поводу купли-продажи. Так что с дверью? Она ее разбила, что ли?

– Не она, из-за нее. Строители.

– Так, все интереснее и интереснее. Они что, перепились все, или девицу не поделили? Ну, не тяни, выкладывай, что тебе известно об этом?

– Короче, ты сказал, что в квартире никого нет. Ванная там маленькая, убогая, не развернешься. Я искупался и вышел на кухню голый. Вытирал голову и пел. Девушка увидела меня и приняла за маньяка-эксгибициониста. Начала громко кричать. Ей на помощь прибежали строители, вышибли дверь. Все.

Отец в очередной раз за сегодня воздел руки к небу и закатил глаза:

– Что еще могла подумать эта бедняжка? Как она могла догадаться, что ты не эксгибиционист, а просто безответственный балбес. Я иногда думаю, не подменили ли тебя в роддоме? Ну, в кого, в кого ты такой уродился? Откуда в тебе столько безалаберности? Как, ну как тебя угораздило, скажи

на милость? Зачем ты поперся голым на кухню?

– Недоразумение уже разрешилось, – заверил я отца. – Но дверь восстановлению не подлежит. А почему ты не слышал, как кричала Аня? Пришел бы вовремя, глядишь, дверь была бы цела.

– Не уводи разговор в сторону, изверг! В салоне отличная звукоизоляция, мог бы сам догадаться. И еще не хватало мне тебе на помощь приходить! Не маленький, вырос уже вроде. Это и есть твоя странная новость, я надеюсь?

– Да.

– Тогда что есть хорошая? Ты осознал свои ошибки и решил помогать мне в магазине? Что-то не верится.

– Я хочу попробовать жить так, как живут обитатели коммунальной квартиры. На те деньги, что смогу заработать без связей и поддержки. На мой взгляд, это будет интересный опыт. Свой бизнес я, естественно, не брошу. Управлюсь и там, и там. Я уже сказал Ане, ну, новой девушке в квартире, что снял у тебя комнату. Естественно, она не знает, что я твой сын. Думает, простой рабочий.

– Что-то ты темнишь, – подозрительно прищурился отец. – Только твоя мама может верить в подобную чушь. Только она свято верит, что из тебя со временем получится что-то путное, а не банальный прожигатель жизни. Но что с нее взять? Всю жизнь смотрит на мир через розовые очки. Вся в своей флористике, в любимом детище – цветочном магазине. И она едва ли не дальше от действительности, чем ты.

Отец лукавил. Он отлично знает, что мой бизнес идет в гору и развивается успешно. Но в его понятии спортивные клубы – это ерунда, только антиквариат достоин внимания. Это же семейное дело! Семейное!

– Не лги мне, Максимилиан. Рассказывай все как есть, – потребовал папа. – Зачем тебе это понадобилось?

– Ну, хорошо. Я поспорил с Богданом, что смогу прожить без шальных денег и связей. И я твердо убежден, что смогу заработать себе на хлеб насущный без этого.

– Да, это хорошая новость. Попробуй, а я с интересом за этим понаблюдаю. Сколько же ты продержишься? До сегодняшнего вечера? – саркастически поинтересовался отец.

– Зря иронизируешь.

– Ну, попробуй, попробуй. Только, боюсь, твоя мама будет в шоке от такой идеи. Любимый сыночка будет жить впроголодь в трущобах. Ужас!

– Ей об этом знать необязательно.

– Согласен. Это не для ее нежной души. Не поверишь, но мне тоже интересно, что из этого получится. А для начала, замени дверь, раз ее разбили по твоей вине.

– У меня нет денег, – расплылся я в улыбке. – Еще не успел заработать. А большая доля квартиры принадлежит тебе.

– На меня не надейся! Иди, работай, работай! Чего ждешь? Деньги с неба не упадут.

– Может, дашь мне какое-нибудь поручение? А рассчитаешься дверью?

– Нет! С меня на сегодня хватит. Помог уже. Вон из салона!

– До вечера дверь надо поставить. А я еще работу не нашел.

– Это не мои проблемы, – коварно ухмыльнулся отец. – Попросись подсобником к строителям. Может, они тебя возьмут.

– А дверь?

– А больше ничего?

В воздухе повисла напряженная пауза. Отцу было очевидно, что дверь ставить надо немедленно. Но он понимал, что условия спора я нарушать не собираюсь. И достаточно денег до вечера заработать не смогу.

– Пойду тебе навстречу, – смиловался папа. – Закажу, так и быть, дверь. Надеюсь, поставят до ночи. А ты вернешь мне деньги в ближайшее время. И с процентами – будешь выполнять все мои поручения безропотно.

– Как скажешь, – обреченно согласился я.

Выбора у меня не было. Сегодня меня шантажируют все, кому не лень, даже родной отец.

Папа радостно потер руки:

– Так-с, для начала проверь счета. Это у тебя много времени не займет. Они на столе, в кожаной папке, а то мне некогда. А когда закончишь – марш к рабочим наверх, поближе к народу, демократ липовый. Зарабатывать деньги потом и кровью!

* * *

Мое предложение поработать подсобником строители встретили с нескрываемой радостью. Во-первых, старый знакомый маньяк, во-вторых, сын хозяина, в-третьих, есть возможность надо мной поиздеваться.

Мне пришлось рассказать им ту же версию о споре, что я поведал отцу. За то, чтобы никому не рассказывать о том, что Максимилиан Радзивиллов подрабатывает на стройке, предприимчивые рабочие снова захотели получить денежное вознаграждение. И мне, в который раз, пришлось уступить их бессовестному шантажу. После этого мы приступили к деловым переговорам о нашем предстоящем сотрудничестве и моей зарплате.

Работяги за меня искренне порадовались. Но надо отдать должное, платить они мне обещали неплохо. Правда работа будет тяжелая. Для начала – выносить мешки со строительным мусором во двор.

До конца рабочего дня осталось меньше двух часов. Но мне доходчиво объяснили, что если я хочу получить деньги, надо закончить с выносом мусора сегодня. Я умотался до предела. Никогда не думал, что перенос мешков намного тяжелее занятий в тренажерном зале. После работы ноги у меня если не дрожали, то уж точно заплетались, а поясницу ломало.

Очевидно, так чувствовали себя после работы невольники на возведении египетских пирамид. Я ругал отца за скудность. Неужели так сложно было установить какой-нибудь подъемник? Или ему нравится ощущать себя рабовладельцем?

Зато я получил деньги и мог пойти купить себе еды. Гордость переполняла меня. Я не пропаду ни в какой ситуации и всегда смогу заработать себе на жизнь.

Но с покупкой продуктов возникли неожиданные трудности. В ближайшем продуктовом магазине не нашлось моего любимого сыра моцарелла фирмы Амбрози. Английского чая Taylors of Harrogate я тоже не обнаружил. Колбаса меня просто отпугнула, так же, как и ветчина – незнакомые производители, странный внешний вид и резкий запах. Сыр подходил на плотную резину, стерляди не было, а икра мойвы не могла заменить осетровую. Я шел вдоль стеллажей в поисках хоть чего-то знакомого и не находил.

Чай взял самый дорогой – это уже хоть какая-то гарантия качества. Пришлось ограничиться перепелиными яйцами, оливковым маслом и итальянскими макаронами с чернилами каракатицы. Именно такие покупает моя домработница. Надо будет, кстати, узнать, где она берет остальные продукты. Еще взял виноград и бельгийские шоколадные конфеты для Ани. Пора начинать производить на нее впечатление.

На кассе мне отзвучали просто фантастическую сумму.

Денег не хватило, и конфеты с макаронами пришлось отложить в сторону. Полногрудая ярко накрашенная кассирша, похожая на злую фею из диснеевского мультфильма смерила меня презрительным взглядом:

– Понаехали тут, денег нет, а туда же. Яйца перепелиные им подавай! Нет, Кать, ты на него только посмотри! – обратилась она к даме за соседней кассой. – Я едва чек не пробила. Деликатесов понабрал, и сует мне свои гроши. Даже банковской карточки нет.

Я молча проглотил эту обидную тираду. Да не понаехал я! И не нищий! Ну что тут поделать? Надо следующий раз внимательнее считать деньги. А то, чего доброго, еще в бомжи запишут и в полицию сдадут. И закончится моя блестящая карьера подсобника. Да еще и спор проиграю.

Все деньги, что я заработал за несколько часов непосильного труда остались у злой феи. Она царственно вскинула брови и небрежно швырнула мне чек.

– Всегда рады вас обслужить, приходите еще. Всего доброго, – автоматически оттарабанила она, пытаясь уничтожить меня взглядом.

– Непременно, непременно, – заверил я ее.

Ноги моей больше не будет в этом магазине. Уж лучше на ярмарке закупаться, как Аня. Никогда не думал, что жалкая кучка продуктов может столько стоить!

С таким меланхолическим настроением я направился в коммуналку. Дверь в квартиру уже стояла. Новая, тускло по-

блескивающая серой эмалью. Очевидно, сама дешевая. Мой указательный палец замер над рядом старых звонков вдоль косяка. Их было ровно десять. И которые из них рабочие? Начал тыкать во все подряд. За дверью раздались тяжелые торопливые шаги и сердитое ворчание:

– Чего трезвонишь, делать нечего?

Кто-то повозился с новым замком и дверь, наконец, лягнула и распахнулась. На пороге стоял круглолицый мужчина лет пятидесяти, с трубкой во рту и в тельняшке. Видимо, отставной моряк, о котором говорила Аня.

– Новый жилец? – осведомился он.

– Да.

– Ну, заходи, – отступил он в сторону. – Как зовут?

– Макс.

– А я Сан Саныч, – протянул он мне руку. – Можно просто дядя Саша. Твои ключи от двери на подоконнике, в кухне.

Я оставил продукты на столе и прошел в комнату. Упс! А спать я сегодня на чем буду? Бритву и зубную щетку тоже не купил. И вообще, мне денег только на еду хватило. Похоже, придется вечером идти домой. А очаровывать Аню начну завтра, прямо с утра пораньше. Но чай попить с ней я смогу и сейчас.

Заглянул в Анину комнату. Она стояла у мольберта, и ее рабочая блуза была перемазана краской. Теперь с холста на меня смотрел охотник эпохи Тюдоров. Его суровое лицо светилось благородством и мужеством.

– Пойдем, угощу чаем. Правда, не знаю, насколько он хорош, но однозначно лучше твоего.

Мы расположились за большим столом. Я заварил чай. Он оказался вполне сносным. Не английский, конечно, но в целом ничего.

– У тебя ситечко для чая где? – поинтересовался я.

– Макс, колись, ты откуда к нам свалился? Попаданец из прошлого века? – рассмеялась Аня. – Какое ситечко? Серебряное, с позолотой?

Она с удовольствием уплетала виноград и лучезарно улыбалась мне:

– Ты когда мебель привезешь? Завтра?

– Да, наверное... – неопределенно ответил я. Где ее взять, эту мебель, если денег едва на ужин хватило?

– Холодильник можешь сюда поставить, – она указала на свободное место у стены, а стиралку поближе к моей, там ее будет удобнее подключить.

Так, на холодильник и стиральную машину я заработаю такими темпами не скоро. Видимо, замешательство отразилось на моем лице.

– Можешь пока продукты в мой холодильник класть, – предложила Аня. – Он все равно почти пустой. В нем от голода мышь повесилась. И стиралкой пользуйся, мне не жалко. Я ее по дешевке через интернет купила. Скажи, а ты что, на диете?

– С чего ты взяла? Я что, на больного похож?

– Нет, но может, ты фигуру блюдешь? – рассмеялась Аня. – Иначе зачем ты перепелиные яйца купил?

– Просто я их люблю.

– Да у тебя губа не дура! Я их даже не пробовала. Мелкие такие, а стоят как чугунный мост. Хорошо, когда заработок высокий. Можно позволить себе деликатесы.

С каких пор перепелиные яйца считаются деликатесом? Это же не яйца крокодила или кобры.

В кухню вошел Сан Саныч. Васька семенил рядом с ним и его полоски очень гармонировали с полосками на тельняшке. Даже походка у кота была такая же, вразвалочку.

– Присоединяйтесь, дядя Саша, – кивнула Аня на стоящую рядом со мной табуретку. – У нас чай замечательный. Макс сегодня гуляет. Вот и виноград купил. Вкусный!

Дядя Саша внимательно посмотрел на меня. Видимо, в полутемном коридоре плохо разглядел.

– Слушай, а где я тебя мог видеть раньше? – поинтересовался он.

– Да вроде не пересекались никогда, – лично я его видел впервые. Да и где мы могли встречаться? До сегодняшнего дня мы жили в разных мирах.

Он присел за стол и кинул в рот виноградину. На его руке синела татуировка якоря. От дяди Саши пахло табаком и дальними странами.

– Хороший виноград, – заметил он. – А у меня пирог с курагой. Купил после работы в кондитерской. Не домашний

конечно, но вполне съедобный. Будете, молодежь?

Пирог и правда, оказался на удивление приличным. Аня разогрела его в микроволновке, и в воздухе аппетитно запахло выпечкой.

На кухню вышла милостивая женщина лет под сорок. Это была еще одна соседка – Валя. Аня познакомила нас. Валя поставила на стол мед и каменные карамельки. После этого она вывалила на меня кучу важной и не очень информации по коммуналке, а так же по поводу моего мироеда-папы.

Оказалось, он спит и видит, как расселить квартиру, а мнение жильцов его совсем не интересует. Не хочет дядя Саша уезжать отсюда, потому что прожил тут всю жизнь. И не нужна ему отдельная квартира в другом районе.

Вале удобно, что рядом школа, где учится ее сын. Им нравится гулять по набережной и сидеть в их любимой кондитерской. Олежка тоже не хочет менять школу, у него друзья-одноклассники.

Но Радзивилову на это начхать. Он спит и видит поскорее освободить квартиру, и думает, что оставшиеся жильцы просто хотят развести его на деньги. Другие же соседи с удовольствием согласились съехать. А эти встали в позу и ломаются, вымогая у бедного антиквара с трудом заработанные капиталы.

Короче, мой дорогой папа – самодур, эгоист и бессовестный тип. Вот бы он удивился, если бы узнал, что о нем так думают.

Заглянул Олежка, попросил у матери бутерброд. Важно пожал мне руку и деловито осведомился, умею ли я делать настольный вулкан из марганцовки. Узнав, что этого я не умею, Олежка разочаровался, но пообещал разобраться сам и научить меня. Валя сердито цыкнула на сына и велела идти делать уроки, а не заниматься поджигательством. Но мы уговорили ее оставить мальчишку попить с нами чая.

Соседи оказались у меня неунывающими. Не думал, что можно быть счастливым, живя в таком бедламе. Мне давно не было так хорошо и весело. Болтали ни о чем, травили байки и анекдоты. Васька буравил мне ноги головой и вымогал лакомство. Аня дала ему колбасы, и он довольно заурчал. От этого стало совсем уютно.

Мы засиделись за чаем, и домой я вернулся уже глубоко за полночь.

Наконец я смогу отдохнуть после безумного дня. Сколько событий произошло сегодня! Я оказался несексуальным маньяком и чудом не угодил в полицию. Меня несколько раз шантажировали строители. Я едва не надорвался на работе в прямом смысле этого слова. И мне очень понравилась непосредственная и добрая Аня. Просто понравилась, и все, без всяких задних мыслей.

Я с удовольствием сбросил убогий спортивный костюм и снова оказался голым. По своей огромной двухуровневой квартире я могу ходить, как пожелаю. Хорошо жить в пентхаусе. Ничто не закрывает роскошный вид на ночной город.

Плеснул в бокал белого вина, врубил на полную громкость моего любимого Луи Армстронга. Его хриплый бархатный голос заполнил все пространство и увлек меня в Штаты времен сухого закона, джаза и раскрепощенных женщин.

Потом долго лежал в джакузи, смотрел на Питер через стеклянную стену ванной, пил шардоне и думал о том, что Аня, наверное, все еще стоит у мольберта и рисует своего бравого охотника.

Глава 7. Аня

Мерзко и настойчиво трезвонил будильник. Безумно хотелось шваркнуть его об пол. Я с трудом продрала глаза. В окно глядел любопытный амур и хмурое серое утро. Снова оттепель. Ветер со злостью швырнул в стекло пригоршню тяжелого мокрого снега. Из теплой кровати вылезать не хотелось, но я собрала волю в кулак и нехотя напялила на себя халат.

С утра пораньше я должна была отнести очередную картину клиенту. Почему-то многие очень любят, чтобы я лично принесла им готовую работу. Так сказать, явилась на поклон за заработанными деньгами. Видимо, таким образом они чувствуют свое превосходство над исполнителем их заказа – я заплатил, изволь все сделать в лучшем виде и еще доставить картину в срок и туда, куда я пожелаю. Меня это не раздражает, ведь заказчик всегда прав. Скорее удивляет.

Но сегодняшнего клиента мне откровенно хотелось пришибить чем-нибудь тяжелым – лучше завернуться в плед и пить сладкий чай с печеньками, чем по холоду тащиться на край города. Но долг зовет.

Пошла на кухню, машинально слопала бутерброд. Выходить из дома не хотелось. Я невольно поежилась – добираться до места предстоит часа полтора, не меньше. В дверь позвонили. На пороге стоял Богдан. В одной руке он держал

раскладушку, другой прижимал к себе скрученный матрац.

– Доброе утро! Макс на работе?

– Наверное, – пожалала я плечами. Откуда мне знать, где он?

– Надеялся, что кого-нибудь застану. А то пришлось бы оставить строителям. Решил помочь другу – принес ему мебель, – усмехнулся он. – Бедняге, похоже, даже спать не на чем.

– Можешь пока бросить в моей комнате. А Макс что, мебель перевозить не будет?

– Предполагаю, у него нет мебели, – доложил мне Богдан. – Он совсем бедный, зато честный.

– Надо же, а деликатесы себе позволяет. Даже странно... – удивилась я. – Неужели у него настолько все плохо?

– Это ты у Макса спроси, – загадочно улыбнулся Богдан, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки на широкой груди. – Тяжелая жизнь, полная трудностей и лишений закалила моего друга и сделала его аскетом.

Мне даже жалко стало Макса. Вот не повезло, так не повезло. Но вздыхать над чужими проблемами времени уже не было.

– Предложила бы тебе чая, но надо бежать к заказчику, – намекнула я Богдану, что ему пора уходить.

– Давай лучше я тебя кофе угощу. Тут рядом неплохая кофейня.

– Прости, нет времени. Мне ехать далеко, боюсь опоздать.

– Мы зайдем ненадолго. А потом я отвезу тебя, куда по-

желаешь, – продолжал искушать Богдан.

– Тебе что, на работу не надо? – удивилась я.

– Я могу позволить себе появляться там, когда посчитаю нужным. Все-таки должность у меня в концерне не последняя, – с гордостью подчеркнул свой статус Богдан. – Соучредитель и директор.

– Ладно, уговорил, – улыбнулась я в ответ. По холоду тащиться на другой конец города, да еще и с пересадкой мне не хотелось. – Вчера легла очень поздно и кофе мне однозначно не повредит.

После промозглой погоды на улице, кафетерий встретил нас обволакивающим теплом и запахом свежей сдобы с корицей. Богдан заказал мне капучино, себе взял черный без сахара. А еще купил потрясающе вкусные миндальные пирожные.

– У тебя хорошие картины, – Богдан отхлебнул кофе и посмотрел мне в глаза бархатным взглядом темных карих глаз. Загадочным, влекущим и, как мне показалось, немного порочным. – Я подумал, возможно, тебе будет интересно выставить работы в галерее моей знакомой. Я вчера вечером рассказал ей о тебе. Она интересуется современным искусством и помогает молодым художникам пробиться наверх.

– Было бы здорово! – обрадовалась я. – Ты правда думаешь, она согласится? Я пробовала, но мне пока везде отказывали.

– Я предложил ей посмотреть твои работы, и она отклик-

нулась на мою просьбу. Я ее знаю еще со школы. Можем сегодня заехать к ней.

– Было бы замечательно. Значит, и Макс ее знает?

– Разумеется. Кстати, как он обживается на новом месте? – мне показалось, в его словах позвучала ирония.

– Потихоньку.

Мне хотелось расспросить Богдана о его друге, но я подумала, что это будет неправильно и нечестно. Вроде как шпионить за человеком.

Мы еще немного посидели в кофейне, и Богдан отвез меня на встречу с заказчиком. Когда я вышла из роскошного лексуса цвета темного антрацита, у моего клиента челюсть упала на землю. Видимо, решил, что Богдан мой парень или еще что похуже. Так или иначе, деньги я получила и была обеспечена на несколько дней. А учитывая, что на подходе еще и другие заказы, можно считать себя богачкой.

– Сейчас поедem к Дарине. Познакомлю вас, покажешь ей свои картины. У тебя же они выставлены где-то в интернете?

– Да, – кивнула я, и мне стало немного не по себе. Вдруг этой Дарине не понравятся мои работы?

Галерея располагалась на первом этаже современного здания из стекла и бетона где-то в районе Красного Треугольника. Высокое и очень просторное помещение заливал яркий свет софитов.

По стенам висели абстрактные полотна. Цветные кляксы мешались с глазами, губами, руками и еще чем-то, что ино-

гда рисуют на заборах озабоченные подростки.

Посреди зала располагались скульптуры и инсталляции. «Сон вещей собаки» невольно привлек мое внимание. Из горы пивных банок торчала пластиковая рука манекена. Очень глубокий смысл. Я поняла, что мои картины до этого уровня явно не дотягивают. Может, на них тоже какое-нибудь непотребство изобразить?

Дарина оказалась роскошной длинноногой шатенкой, с безукоризненной прической и макияжем. Элегантный темный деловой костюм и белоснежная шелковая блуза подчеркивали ее статус бизнес-вумен. Замшевые черные туфли на высоченной шпильке придавали легкий эротический оттенок.

Она по-свойски чмокнула в щеку Богдана и царственно протянула мне руку:

– Наслышана о ваших картинах. Жажду увидеть что-то свежее, креативное.

Ну, креативом у меня и не пахнет. Я прошла классическую школу, так же и пишу.

– Судя по тому, что я вижу в вашей галерее, мои работы вас вряд ли заинтересуют, – не без сожаления констатировала я и показала ей в смартфоне несколько работ.

– Ну почему же? Вполне пойдет как наивная живопись. Довольно перспективное направление. Моим клиентам нравятся художники-самоучки. Этот непосредственный взгляд, это природная примитивность. Прелестно, прелестно! – за-

щебетала она, скривив губы в снисходительной улыбке.

Я не могла понять, говорит она серьезно или издевается. Видимо, последнее.

– Анна окончила Художественное училище в Златогорске, – вставил свое веское слово Богдан, многозначительно улыбнувшись Дарине.

– Это ты мне уже сообщил, когда позвонил вчера, – кисло улыбнулась хозяйка галереи ему в ответ и снова переключила свое драгоценное внимание на меня: – Я же говорю, меня все устраивает. Попробуем выставить несколько картин. Выбирайте сами, Анна, что вы посчитаете нужным, а мы с Богданом заедем за ними вечером. Заодно навестим нашего одноклассника.

Дарина и Богдан заговорщицки переглянулись. С чего бы? Или мне просто показалось?

Вряд ли мои полотна произведут в этой галерее фурор. Но попробовать стоит. Попытка не пытка. Так или иначе, кто-то их да увидит. Может, захочет сделать заказ.

Дарина походкой модели на подиуме подошла к стойке у входа и взяла у девушки два буклета.

– Приглашаю вас обоих на вечер, посвященный открытию выставки «Тени безумцев». Жду в пятницу и прошу соблюдать дресс-код, – Дарина одарила меня белозубой улыбкой и снисходительным взглядом. – Думаю, вам, Анна, будет интересно приобщиться к богемной жизни Петербурга.

По дороге домой я думала о галерее Дарины и ее пригла-

шении. Предложение было заманчивым и пугающим одновременно. Блестящие перспективы познакомиться с другими художниками и потенциальными заказчиками, окунуться в культурную жизнь Петербурга. Но мои картины однозначно не вписываются в концепцию этой модной галереи.

Я раскрыла приглашение. Он был напечатан на бумаге с золотыми разводами и содержал что-то вроде программы мероприятия: фуршет, танцы, оркестр балалаечников и ложкарей исполняет Симфонию № 2 Рахманинова, перформанс и показ женского и мужского нижнего белья какого-то, очевидно известного в Питере модельера. Явиться на вечер следовало в вечернем платье и маске. Такого платья, естественно, у меня никогда не было.

– Видишь, все получилось, – ободряюще заметил Богдан. – Дарина выставит твои картины в галерее.

– Не знаю, что получилось, – искренне призналась я. – По моему, Дарина надо мной посмеялась.

– Ты не права. Это просто ее манера общения. Что ты хочешь от творческой натуры?

– Возможно, я не гений, как Репин или Серов. Но и не самоучка. И училище в Златогорске очень хорошее. После него запросто поступают в Академию художеств, – сердито выпалила я.

– Тебя это задело?

– Задело. И я вот думаю, надо ли принимать приглашение от человека, которому я откровенно не интересна как

художник. Тем более что у ее галереи другая стилистическая направленность.

– Так тебя только это смущает? Даже не сомневайся. Уверен, там будут не только поклонники абстракционизма. На вечере сможешь пообщаться с нужными людьми, завяжешь знакомства. Это неплохой шанс для дальнейшего продвижения твоих картин.

– Может, и так. Но у меня все равно нет подходящего платья. Оно стоит шальных денег, жалко выбрасывать их ради одного сомнительного мероприятия.

– Это не проблема. Я куплю тебе платье, какое пожелаешь, – заверил Богдан. – Тебя вообще надо приодеть. Я помогу тебе подобрать все необходимое.

– Еще чего удумал! – возмутилась я. – Я подобных подарков ни от кого не принимаю.

– Почему, позволь спросить? – снисходительный тон Богдана разозлил меня. – Хочу помочь молодой художнице покорить Санкт-Петербург. Буду твоим спонсором и меценатом. Что в этом плохого?

– Не хочу быть никому обязанной, – отрезала в ответ.

– Независимость превыше всего?

– И что? Что в этом плохого? И да, для меня это важно.

– Ладно, не хочешь платье в подарок, возьми его напрокат. Это ты себе позволить можешь? Подумай о перспективах этого вечера. Уверен, твои работы заметят, – Богдан напомнил мне змея-искусителя.

Что ж, возможно, это выход. Хотя тоже не самый дешевый. Жирная жаба в глубине души сказала «Ква», но я заставила ее замолчать. А вдруг, это и правда, мой шанс?

– Позволишь помочь тебе с выбором? – вкрадчиво осведомился Богдан. – Пожалуй, я лучше тебя знаю, что надевают женщины на подобные вечеринки.

На это мне возразить было нечего, и мы направились в ближайший прокат платьев, который я нашла в интернете. Богдан давал дельные советы и меньше через полчаса примерок мне подобрали не слишком пафосное, но изящное платье. Темно-синего матового шелка, на тонких бретелях, со струящейся длинной юбкой и открытой спиной.

Богдан удовлетворенно хмыкнул:

– Ты очень элегантна. Вполне подойдет для выставки.

Его комплимент согрел мне душу, повысил самооценку, и я поняла, что ужасно тщеславна. Из высокого зеркала на меня смотрела почти принцесса. Только короны на голове не хватало. Я покружилась по залу. Легкая юбка красиво развевалась и тонко шуршала.

На мой взгляд, платье вполне могло сойти за какой-нибудь бренд. Хотя, очевидно, это могло обмануть только такую неискушенную провинциалку, как я. Маску я выбрала черную, с синими блестками в тон к платью. И буду если не царицей бала, то, по крайней мере, не хуже других.

Домой я вернулась в приподнятом настроении. Мне уже хотелось на этот светский прием, хотя, возможно, я буду там

белой вороной. Ну и пусть. Буду креативной белой вороной, я же художник! На меня накатило вдохновение, и я за полдня дописала своего благородного охотника. Остались мелочи в виде дорогих украшений и кружев.

Ближе к вечеру от строителей приполз Макс. Он был весь в пыли и едва передвигал ноги. Я обрадовала его, доложив, что Богдан принес ему раскладушку и матрас. Макс криво и вымучено ухмыльнулся и поплелся принимать душ.

Вскоре он зашел ко мне, и протянул новое полотенце.

– С белочками, как и просила, – доложил он. – Еле нашел.

Я не удержалась и сразу рассказала ему, что Богдан возил меня в галерею к Дарине. И что мы идем на открытие выставки. Макс настороженно и недовольно уставился на меня:

– Ты там поаккуратнее. Знаю я эти выставки – море виски, разврат, случайные связи и даже наркота.

– Тебе-то откуда об этом известно? Сам говорил, ты не их поля ягода, на такие тусовки не ходишь.

– Раньше ходил, – буркнул Макс. – Не нравится мне эта затея.

– А что, твой Богдан развратник и аферист? Пока я за ним ничего такого не заметила.

– Ты с ним когда познакомилась? Вчера. Нельзя быть такой доверчивой.

– Так вы друзья или нет? – продолжала допытываться я.

– Друзья. Просто будь осторожнее вообще, и на вечере в частности. Хорошо?

Заботливый у меня новый сосед. Блюдет мой моральный облик. Хотя это совсем не плохо.

– Ты уже ужинала? – поинтересовался Макс.

– Нет, некогда.

– Тогда я пожарю нам яичницу. Идет?

– Да, буду очень благодарна, а то мне надо закончить работу.

Как же приятно, когда за тобой ухаживают! Только сейчас поняла, что голодна как волк, давно надо было перекусить.

Я вернулась к портрету – необходимо окупить затраты на этот званный вечер. Платье, маска – все стоит денег. Зато потом, возможно, появятся новые заказы. Работа спорилась. Серый мужичок на глазах превращался в благородного лорда.

Резкий запах гари проник в комнату и вернул меня с облачных высот на грешную землю. Пожар?! Я услышала, как Макс извергает проклятья и распахнула дверь. Коридор был задымлен. На вопли Макса выскочили дядя Саша и Валя, из-за двери опасно выглянул Олежка, но мать сердито загнала его обратно. Мы сломя голову бросились на кухню.

Посреди нее, как шаман с факелом, кружился Макс с горячей сковородой. Черный дым клубами поднимался от нее к потолку и оседал на побелке копотью.

– Только не в раковину! Маслом брызнет! – завопила Валя.

– И не на пол! Плитка лопнет! – заорал дядя Саша.

– Знаю! Сейчас должно прогореть! – заверил Макс, продолжая вертеться по кухне и, очевидно, ища место, куда пристроить сковороду, не причинив еще больше вреда. Горящее масло капало на кафель и оставляло жирные черные пятна.

Пламя начало опадать, и Макс в сердцах шваркнул сковороду на плиту, залитую маслом и заляпанную разбитыми перепелиными яйцами.

– Чудовище, откуда ты на нашу голову взялся? – спросила Валя, вырывая у Макса из рук подгоревшую прихватку и в сердцах огрев его по спине полотенцем. – Думала, только мой Олежка обормот и бестолочь, а тут еще один такой же выискался. Как остынет, отмоешь плиту! И пол в порядок приведи. Как тебя вообще угораздило сковороду поджечь?

– Масло вспыхнуло, – оправдывался Макс.

– Так какого лешего ты его так нагрел? – не унималась Валя.

– Яичницу хотел пожарить, – вздохнул Макс и развел руками. – Не получилось...

Глава 8. Макс

Ближе к обеду я вошел в офис своего центрального клуба, просмотрел бумаги на столе, пообщался с замом, сделал несколько звонков, и велел подать мне кофе.

Секретарша Влада тихо открыла дверь в кабинет и грациозно проскользнула внутрь. Слегка покачивая бедрами, направилась ко мне, улыбаясь и игриво покусывая полные губы. Она поставила передо мной маленькую фарфоровую чашку. Влада облокотилась на стол, почти обнажив грудь в глубоком вырезе.

– Доброе утро, босс, – низким голосом проворковала она, вспорхнула на край стола и повыше поддержнула и без того короткий подол облегающего красного платья. – Что пожелаете еще? Я скучала...

Она раздвинула ноги в чулках и эротично откинула голову, хищно улыбнувшись.

– Пожелаю, чтобы ты объяснила, как я едва не пропустил сегодня утром важную встречу. И не забывайся!

Я сдвинул ее ноги и согнал со стола. Она суетливо одернула юбку и приняла пристойный вид.

– Простите, Максимилиан Дмитриевич, обещаю, это больше не повторится.

Совершенно безответственная особа. Ясно, ей не до того. В голове ветер, в глазах похоть, в сердце жажда денег.

– Иди, работай, – отпустил я Владу.

На пороге она еще раз призывно оглянулась, печально вздохнула и покинула мой кабинет, даже не попытавшись срыть своего разочарования. Ничего, перебьется без внеочередной премии за секс с боссом.

И как только меня угораздило нанять эту девицу в качестве секретарши? Да, она красива, сексуальна, и все. Больше ничего. Работать секретарем она не умеет, да и не хочет. Влада вообще работать не хочет, и не скрывает этого.

Ее вполне устраивает роль одной из моих любовниц. Я использую ее как девочку по вызову, когда мне надо, а Влада не возражает, довольна и счастлива. Прибегает по первому зову, встает на задние лапки и готова выполнить любую прихоть капризного босса. А за это принимает мои деньги и подарки как должное, даже с гордостью.

Мне стало противно. Противно, что я просто покупаю себе женщин, не только Владу, но и других. Владу винить не в чем, она предлагает, я плачу. Все честно. Перестану платить я, найдет себе другого босса. Да, она обычная дорогая содержанка. А я просто мерзавец, живущий в свое удовольствие.

Но я точно знаю, что Аню так не купишь. Зря Богдан обольщается на этот счет.

Вызвал начальницу отдела кадров и велел не продлевать договор с Владой. Пусть доработает срок, и уходит на все четыре стороны.

Подошел к окну. Вдали, через промозглую серость тускло

поблескивал купол Исакия. Отхлебнул кофе и окинул взглядом помещение. Над столом отлично будет смотреться Анина картина с туманом. А напротив окна можно повесить парные пейзажи из Златогорска. Они тоже с настроением. Один с осенним лесом, другой с рекой.

Ей бы выставить свои работы в приличной галерее, не у Даши. Надо подумать, с кем еще из этого круга я знаком. Поймал себя на мысли, что часто думаю об Ане. С чего бы это?

Отдал несколько поручений, проверил договора на спортивное оборудование. Работы здесь немерено, а надо помогать отцу, отрабатывать дверь. Да еще и деньги на жизнь в коммуналке зарабатывать. Бред какой-то, кто бы мне сказал, что я буду вести двойную жизнь – не поверил бы. Но опыт однозначно, интересный.

Вызвал уборщицу и велел показать, как она моет пол. Я ничего не обязан ей объяснять, но чтобы она не приняла меня за сумасшедшего, сказал, что сомневаюсь в своей домработнице и хочу знать, как это выглядит.

Пухленькая дама-ягодка-опять мне, естественно, не поверила, и в ее глазах я прочитал неподдельный испуг. Я заплатил уборщице и попросил вымыть пол вручную, раз нет обычной швабры. После такой просьбы она окончательно поняла, что я сексуальный извращенец. Женщина опасливо посмотрела на меня, но показала. Пока она мыла пол, все время косилась в мою сторону, и не поворачивалась спиной.

Видимо, надо что-то менять, а то в последнее время меня частенько принимают за маньяка.

Я задал пару конструктивных вопросов и получил на них очень толковые ответы. Мыть пол оказалось сложнее, чем я думал. Тряпку надо было сильно отжимать и полоскать, а воду в ведре периодически менять. Тоскливо. Зато я приобрел бесценный опыт.

Прослушав краткий курс по мытью полов, я отправился к отцу. Тот откровенно издевался надо мной. Заставил составить каталог всех монет. Это напомнило мне поручение ма-чехи Золушке отделить мак от проса. С таким заданием я и за месяц не справлюсь.

Отец злорадно поглядел на меня, потер руки и поехал на очередной аукцион за столовым серебром для личной коллекции. Как его только мама терпит? Ведь уже столько лет вместе. И интересы у них совершенно разные. Отец помешан на старье, под названием антиквариат, а мама увлечена цветами, флористикой и искусством составления букетов. Но, видимо, это их и сближает. Ведь противоположности притягиваются. Так или иначе, но семья у нас очень хорошая и крепкая.

После обеда меня ждали мешки с мусором, и веселые строители с их шуточками и приколами. Они заботливо осведомились, как мне живется в качестве простого смертного. Честно признался, что пока не понял – прошло всего ничего. Но в целом, говоря их языком, хреново.

Они позвали меня после работы в ближайшую пивную и пообещали поделиться опытом выживания на те крохи, что я зарабатываю у них. Надо будет как-нибудь посидеть с работягами, но не сегодня. Сегодня надо продолжить очаровывать Аню.

После силовых упражнений со строительным мусором на негнущихся ногах я зашел в квартиру. Аня отдала мне раскладушку и матрац, которую так любезно передал Богдан. Просто натуральное издевательство с его стороны. И что, на этом можно спать? Учитывая, что я забыл постельное белье и посуду, ночевать я опять буду дома. С одной стороны, хорошо, но Аню я так завоюю не скоро.

Страшно хотелось есть. Пошел на кухню. Взял сковородку у Ани – ну, забыл я о таких мелочах как посуда! Завтра куплю. Видел, как в Париже шеф-повар ловко разбивал перепелиные яйца и отправлял их на раскаленное масло. Масло разогрелось быстро. С парой яиц я промазал, и они плюхнулись мимо сковороды. Одно повисло на ее краю и тут масло вспыхнуло.

Пламя взметнулось вверх огненным столбом, извергая клубы черного дыма. Задымилось пролитое на плиту масло. Я машинально схватил сковороду и заметался по кухне, не зная, куда ее пристроить и как погасить огонь.

Через мгновение запах гари распространился по помещению. На кухню, как на настоящий пожар, сбежались все обитатели нашей квартиры. От них я узнал о себе много ин-

тересного. Дядя Саша тихо матерился. Валя эмоционально орала, Аня молчала и с удивлением смотрела на меня. Как на беспомощного идиота. Если так дальше пойдет, у меня не останется шансов выиграть пари. Вместо того, чтобы очаровывать девушку, я в ее глазах уже выгляжу полным дураком.

Валя приказала мне оттереть загвазданную мною общественную плиту и вымыть заляпанный маслом пол. Урок, взятый утром у уборщицы, очень пригодился. С полом я справился быстро.

Вскоре сковорода остыла, и я начал оттирать плиту. Это оказалось не просто. Аня сидела на подоконнике и внимательно на меня смотрела.

– Макс, ты совершенно не приспособлен к быту, – прозорливо заметила она.

– Да, пожалуй, – надо было срочно сменить тему разговора, а то девушка смогла бы заподозрить неладное. – Не хочешь сходить со мной завтра вечером на каток? Он работает допоздна и там есть прокат коньков.

А куда я ее еще могу пригласить за те копейки, что получаю у строителей? Если только в какое-нибудь дешевое кафе.

– С удовольствием, но завтра не получится. Работы много, – улыбнулась Аня. Какая же у нее удивительная улыбка! – Но можно в выходные.

И у меня работы много. Как никогда. Кто бы мог подумать, что я буду подсобником? Как жить, зарабатывая такие

крохи? Как можно ухаживать за девушкой? Как создать семью при таком нищенском заработке? Я уж не говорю о том, как вообще можно элементарно размножаться в таких условиях?

Как ни печально, но, похоже, Богдан прав и без денег завоевать девушку невозможно.

Аня приготовила яичницу из оставшихся перепелиных яиц, и мы сели ужинать.

– Потрясающе вкусно, – девушка изящно макнула ломтик хлеба в масло и с аппетитом съела его. – Если я стану известной художницей, тоже буду жарить перепелиные яйца на оливковом масле.

Вспомнил Владу. Как она обмакивала ореховое печенье в чай и эротично его проглатывала, медленно облизывая пальцы, откровенно и призывно глядя в глаза. И все было сразу понятно.

Если бы Ане кто-то предложил денег за интим, что бы она ответила? Оскорбилась бы, однозначно. А другие рады так заработать – быстро, не пыльно, престижно. Как же, очередная любовница очередного золотого мальчика! Неужели и я такой? Просто золотой мальчик, которому повезло родиться в богатой семье? Баловень судьбы и поэтому любимец женщин.

– Ты вчера сказал, что работал сантехником? – Анин вопрос отвлек меня от философских рассуждений и вернул на кухню в коммунальной квартире.

– Да, да, разумеется. Так и сказал, – задумчиво ответил я, отгоняя мысли о добре и зле.

– Почини унитаз, пожалуйста.

– Что? – не понял я.

– Бачок днем сломался. Течет, прямо ниагарский водопад. А счетчик крутится как бешеный. Дядя Саша что-то там сделал, но сказал, что это вряд ли долго проработает. Он в этом плохо разбирается. Хороший человек, но не мастеровой. Что с него возьмешь – моряк.

Мало того, что я устал, как бобик на работе, отмывал кухню, так теперь еще и с унитазом разбираться? Я вздохнул и пошел смотреть на это чудо сантехники. Бачок пока не тек, но крышка была снята, и поплавок держался за счет капроновых чулок, пристроенных странным образом. Я бы точно, до такого не додумался. И как чинить это чудо?

– Ну, что скажешь? – Аня смотрела на меня как на светило, способное справиться с этой неразрешимой проблемой. – Его можно починить?

И зачем только я назвался сантехником? О чем думал, когда это говорил? Думал о стриптизере в комбинезоне. Вот идиот! Да, надо было выбрать другую профессию, но теперь уже поздно что-то менять.

– Предполагаю, что можно, – после недолгой паузы выдал я, придав лицу максимально убедительное выражение. – Только новый купить проще.

– Ты знаешь, сколько он стоит? – возмутилась Аня. – Тут

миллионеров нет. Может, и купим через месяц, как денег наберем. А пока на воде разоримся.

– Слушай, я страшно устал сегодня. Давай завтра с утра попробую починить.

– Ладно. Только сделай, пожалуйста, не забудь.

– Не забуду, – буркнул я себе под нос. Утро вечера мудренее, завтра что-нибудь придумаю.

В домофон позвонили, и через пару минут на пороге кухни появились Богдан и Дарина.

– Добрый вечер! Мы к тебе на новоселье! – радостно сообщил Богдан, ставя на стол торт и вынимая из пакетов деликатесы. – А Дарина еще и к Ане за картинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.